

Горячая штучка

Автор:

Люси Вайн

Горячая штучка

Люси Вайн

Научись наконец любить. Романы Люси Вайн

Элино́р Найт с опаской ожидает своего тридцатилетия. Она работает иллюстратором в лондонской рекламной компании, а мечтает стать настоящим художником. Живет с друзьями на съемной квартире, которую ласково называет Грязной Дырой, но надеется, что это временно. Как и ее неудачи в личной жизни.

Элино́р все надоело – работа без энтузиазма, бесконечные однотипные свидания и нервная городская жизнь. Поэтому она берет паузу. Ото всего и всех.

И вот тут-то начинается самое интересное.

Люси Вайн

Горячая штучка

Lucy Vine

Hot Mess

Copyright © Lucy Vine 2017

First published by Orion Books, London

© Наумова И., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Люси Вайн – талантливый британский автор и журналист. Сфера ее интересов – поколение миллениалов, которое она считает уникальным. Люси пишет об этом статьи и мастерски вводит героев-миллениалов в свои романы, граничащие с городской прозой о взаимоотношениях и с книгами self-help.

«Героиня Люси Вайн – это Кэрри Бредшоу нового десятилетия».

Marie Claire (The UK)

«Феноменально! Выдающийся роман!»

Grazia (The UK)

«Актуально и умно. Написано с отличным юмором».

Heat

1

19.34, пятница 14 февраля

Местоположение: Поистине отвратительный бар, декорированный как будто бы для того, чтобы внушать каждому пожизненную неприкаянность. На стене – позолоченная голова лося, огромный подсвечник из самоварного золота, повсюду зеркала и верхний свет. Каким же чудовищем надо быть, чтобы установить светильники на потолке?

Я сижу спокойно, очень спокойно. Я устроилась у барной стойки в идеально небрежной-но-привлекательной позе так, чтобы от двери была видна моя лучшая (правая) сторона. Мне ужасно неудобно, но ведь в любую секунду здесь может появиться ВТСЕМ (возможно, тот самый единственный мужчина), и, если кино меня чему-нибудь научило – а оно научило меня всему, – любовь с первого взгляда – ключ к вечному счастью.

Проходит несколько минут, я сижу неподвижно, замечая уголком глаза, что барменша с любопытством наблюдает за тем, как я сижу в идеально застывшей позе в стиле восковых фигур мадам Тюссо.

– С вами все в порядке? – в конце концов спрашивает она, неловко улыбаясь и вытирая салфеткой барную стойку рядом со мной.

В порядке ли я? Ну, это довольно сложный вопрос. Сегодня – День святого Валентина, а я сижу в одиночестве на табурете, хотя табуреты – мои заклятые враги, серьезно, пусть кто-нибудь элегантно вскарабкается на табурет или слезет с него, и тогда он поймет, почему я весь вечер не могу сходить в туалет в ожидании свидания вслепую, которому, вероятно, так и не суждено состояться. Мое взволнованное лицо блесит, я не захватила с собой матирующие салфетки. О, от нервозности у меня выступила испарина, и капли пота стекают на глаза. Вероятно, барменше ни к чему погружаться с головой в мой поток сознания,

поэтому вместо ответа я просто киваю и заказываю еще одну порцию спиртного (я собираюсь встать, с тем же успехом я и одна могу неплохо провести время).

Барменша улыбается.

– Белого вина? – Я, продолжая кивать, ухмыляюсь. – Между прочим, вы очень мило выглядите, – добавляет она, щедро наливая мне вина на глазок (за что я ей вечно благодарна).

– Спасибо, – говорю я, искоса поглядывая на нее и думая о том, что дела у милашки ни к черту. Осторожно балансируя на одной ягодице, я задираю юбку чуть выше и слегка приспускаю топ. Милашка может себе это позволить.

И, словно по волшебству, мой телефон начинает вибрировать. Это он!

Это не он, это Софи:

– Ты в порядке? Тысяча поцелуев

Я закатываю глаза. Все беспокоятся обо мне, непрерывно спрашивая, в порядке ли я. Сегодня я получила уже одиннадцать сообщений от родных и друзей, справлявшихся, все ли у меня «в порядке», и посылавших мне свои «поцелуи». Джеки – проклятая двадцатидвухлетняя старушка Джеки с моей работы, лучший друг которой отбывает срок за кражу в местном игровом зале – Джеки расстраивается из-за меня. Как приятно узнать, что столько моих близких уверены в том, что оставаться в одиночестве в День святого Валентина – хуже смерти. Я перевожу взгляд на золоченого лося. Да, верно, возможно, подобная ситуация хуже смерти.

Это свидание устроила моя сестра Дженнифер. Она сказала – а я привожу ее точную цитату: «Если я предоставляю это дело тебе, ты умрешь в одиночестве. А я не хочу, придя к тебе, разгонять пожирающих тебя кошек. Я не хочу этого делать, с меня довольно». Итак, на сегодняшний вечер она устроила мне свидание с Мартином, который, судя по всему, «не красавец, но ты в безвыходном положении, поэтому сойдет и он». Как это возбуждает. Он давно

работает адвокатом по налоговым делам – звучит очень сексуально – вместе с Эндрю, мужем Джен, и всего лишь пару месяцев пребывает в одиночестве. Но Джен говорит, что именно сейчас и нужно его атаковать. Упустишь, и его кто-нибудь перехватит. Мы с Мартином обменялись несколькими SMS в весьма официальном, что типично для налоговых адвокатов, стиле (честно говоря, мне казалось, что в какой-то момент он спросит у меня номер страхового полиса), и он выбрал бар и назначил время. Правда, когда мы договаривались, я упустила из вида, что это День святого Валентина, но сейчас я не могу об этом забыть, вот до чего доводят SMS. Секунду спустя, когда я вышла на улицу, я увидела пару, которая держала в руках розовый воздушный шар в форме сердца. Они совсем не смущались. В этот единственный день в году влюбленным разрешается заявить о себе, и сегодня тот самый день. Это как ведьмы во время Хэллоуина, но от их магической силы всех вокруг тошнит.

Проходят несколько минут, и я посылаю ВСЕМ следующее сообщение.

Надеюсь, ты не заблудился! Я сижу в баре и балдею в одиночестве! Я выгляжу очень круто!!!

Возвращаясь, я стираю пару восклицательных знаков. А затем в мгновение ока добавляю смайлик на случай, если сообщение покажется слишком серьезным. Я нажимаю «отправить» и смотрю на часы. Адвокат по налоговым делам опаздывает почти на полчаса, что не соответствует его профессии. Если он так беспечно относится к времени, значит, это почти позволяет мне надеяться на то, что он не похож на настоящего адвоката-по-налоговым-делам. Я вздыхаю, я так взволнована, мне нужно успокоиться. Господи, может быть, он здесь, но у него разрядился телефон? Может быть, он думает, что я передумала. Я не имею никакого представления о том, как он выглядит, потому что твердо решила не искать его фотографию в Facebook, ведь я жаждала ПРИКЛЮЧЕНИЯ, и теперь я ненавижу себя за это.

Как унижительно. Надо ли мне позвонить ему? Нет, это еще неудобнее, чем сидеть на табурете. В нашем поколении так не принято – мы обмениваемся SMS и смайликами. Если бы я могла, то общалась бы исключительно через ссылки в статьях с сайта BuzzFeed[1 - BuzzFeed – новостная медиакомпания, основана в 2006 г. в Нью-Йорке (здесь и далее примечания переводчика)]. Что же, я почти

всегда так и делаю.

Я жду еще пять минут. Теперь я пишу ему сообщение в WhatsApp и – не судите меня строго – даже посылаю ему «забавный» снимок через приложение Snapchat, спрашивая, где он. Потом успокаиваюсь и звоню. Мне отвечает голосовая почта. Это отвратительный признак. Должна ли я оставить сообщение? Мне, правда, не по себе... слишком поздно.

– О, привет! Хм. Это Элли. Элинор Найт. Сестра Дженнифер. Сестра жены Эндрю. Эндрю, с которым ты работал в 2010 году и в друзьях которого ты числишься на его страничке в Facebook, так вот, его жена написала тебе в Facebook и назначила свидание со своей безнадежной сестрой. Это я! Я – в баре, мне казалось, что мы договорились на 7.30, разве не так? Я выпила два с половиной бокала вина, что, наверное, многовато, но они были небольшими. Плевать. Средними. Надеюсь, у тебя все в порядке. Позвони или напиши мне, когда ты... – Голосовая почта прерывает меня, что совершенно справедливо, потому что мне тоже хотелось бы заткнуться. Почему звонки отбивают всякую охоту звонить? Создается впечатление, что все желают вам в жизни неудачи.

Может быть, он умер! – приходит мне в голову счастливая мысль. Может быть, по пути сюда его сбила машина, потому что он нес чертов дурацкий розовый шар в форме сердца, который загораживал ему обзор, и он остановился на дороге, не заметив мчавшийся на него «мини-купер»? Я представляю воздушный шар, безмятежно улетающий в ночное небо, подальше от лежащей внизу окровавленной плоти.

Это означало бы, что он не кинул меня и что Дженнифер не рассердится на то, что я все испортила.

Барменша возвращается. В руке она держит рюмку.

– Вот, – говорит она, протягивая ее мне. – Выпей и забудь обо всем. Ведь все из-за мужика, верно? Мужик, который ведет себя как подонок? Тебе это необходимо.

Я смеюсь и беру текилу.

– Не хочешь тоже пропустить рюмочку? – спрашиваю я. – Меня кинули в День святого Валентина, что, по-моему, восхитительно, разве не так?

Барменша берет вторую рюмку.

– Могло быть и хуже, – весело говорит моя новая знакомая. – Меня вчера бросили, обойдясь одним сообщением. Он написал мне сообщение. Пока я была здесь, на работе. Я рассказала боссу, а он сказал: «О, дорогуша, по крайней мере, это означает, что ты сможешь работать завтра, в Валентинов день».

Она мрачно усмехается. Мы выпиваем по рюмке.

– Как долго вы были вместе? – спрашиваю я, стирая липкую текилу с подбородка, а вместе с ней и большую часть своего макияжа. Теперь слишком поздно для любви – и даже для похоти – с первого взгляда с адвокатом по налоговым делам. – Кстати, меня зовут Элли.

– Год, – говорит она, опрокидывая следующую рюмку. – И все кончилось эсэмэской. Он сказал, что не готов взять на себя ответственность, и пожелал мне удачи. Он. Пожелал. Мне. Ладно. И поставил плачущий смайлик.

Барменша пожимает плечами, а я качаю головой.

– Извини, вот дерьмо.

Мы выпиваем еще по рюмке.

Наш разговор прерывает хриплый голос.

– Не все мужики дерьмо, – говорит мужчина рядом с нами, как раз очень похожий на дерьмо. У него обгоревшая на солнце пунцовая кожа, и одет он в темно-розовую майку с У-образным вырезом. В результате получается смешение несочетающихся цветов, что одновременно создает впечатление обнаженности и делает его похожим на баскетболиста из колледжа, у которого случился удар. Он продолжает: – Возможно, он боялся, что ты будешь нить. – Девушка, которая составляет ему компанию, выглядит подавленной, и я не могу сказать, то ли это из-за того, что срывается ее свидание, то ли вообще из-за того, что она

показалась на людях со свеклой в человеческом обличье.

– Спасибо за информацию, – говорю я, состроив гримасу. – Вообще-то мы не имеем в виду всех мужчин. Но парень, который сегодня кинул меня, и тот, который бросил – прости, как тебя зовут? – написав SMS, определенно – дерьмо.

Барменша энергично кивает.

– Дерьмо, – говорит она, а потом добавляет, обращаясь только ко мне: – Кэсси.

– А ты не думала о том, что это, возможно, твоя вина? – говорит он, неодобрительно косясь на меня. Я одергиваю юбку. – Может быть, весь ваш феминизм и непомерные запросы мешают вам найти приличного и скромного парня, который позаботился бы о вас? – с гордостью заканчивает он, словно решив за нас все жизненные проблемы. Все, что нам нужно – это смириться со своей традиционной ролью красивой и спокойной женщины и позволить мужчинам руководить всем. Просто. В то время как мы с Кэсси в изумлении молча смотрим друг на друга, я рисую в своем воображении, как колеса автомобиля дробят кости советчика.

Барменша, сидящая слева от меня, наклоняется и, сладко улыбаясь Безмозглому Розоватому Мужу, вежливо говорит: «Ты – тупой кретин».

Отлично сказано.

Он пожимает плечами, вероятно, он часто это слышит.

– Сучки-феминистки, – бормочет он, поворачиваясь к своей спутнице и видя, что она берет в руки пальто и сумку. В бешенстве срываясь с места, она бросает нам извиняющийся взгляд, а кретин бежит за ней вдогонку с бокалом в руках, вопя, что «эти девицы сами начали».

Кэсси смеется и приносит нам бутылку вина.

– У меня перерыв, – кричит она, ни к кому определенному не обращаясь, и, выйдя из-за стойки, забирается на табурет рядом со мной.

– Спасибо, – говорю я женщине слева от меня, торжественно поднимая ладонь в знак приветствия. Ее спутник истерически хохочет.

– Ну, не фантастика ли? – говорит он, вытирая слезы и с гордой улыбкой глядя на нее. Кэсси соглашается, хватая еще два бокала и расплескивая по ним вино для всех нас.

Ребят зовут Фред и Сара, и они вместе четыре года. Таких редко можно увидеть, это практически вымерший тип отношений между мужчиной и женщиной, когда действительно нет необходимости рассказывать всем подряд о том, как они любят друг друга. На будущий год Дэвид Аттенборо[2 - Дэвид Аттенборо (1926) – знаменитый британский телеведущий и автор документальных фильмов о природе.] готовится снять целый сериал об их Неподдельно Счастливых Отношениях. На самом деле они случайно в День святого Валентина оказались вне дома. Сара ужасно сердится по этому поводу, она просто хотела куда-нибудь пойти и выпить со своим лучшим-другом-бойфрендом. К тому моменту, когда они поняли свою ошибку, желание выпить стало острее, чем прежде. С первого взгляда заметно, что они очень пьяны, и – я только что осознала это – я тоже. Свое осознание мы отмечаем, выпив еще по стаканчику, и я рассказываю всей компании о своем свидании вслепую. Сара, как персонаж мультфильма – пьяный персонаж, – указывая пальцем в небо, бормочет:

– Не позвонить ли нам твоему придурку и не оставить ли ему голосовое сообщение? – Она хватается мой телефон, а я затуманенным от текилы взглядом наблюдаю за тем, как она набирает номер и включает громкую связь.

Как и прежде, звонок переводится на голосовую почту, и Кэсси берет слово, вопя:

– Привет, болван! – Фред снова начинает хихикать, а Кэсси продолжает: – Элли – удивительная девушка, а ты – идиот, и тебе лучше не кидать людей, потому что в результате ты сам выглядишь идиотом.

Все главное и существенное сказано, теперь очередь за мной.

– Я очень зла, Марти. Можно мне называть тебя Марти? Потому что Мартин – некрасивое имя. По нему сразу скажешь, что ты адвокат по налогообложению

или что-то в этом роде. Ох, ребята, ребята, он работает адвокатом по налоговым делам!

Все мы начинаем хихикать, а Сара кричит:

– Засранец, – а потом отключается. Легкая отрезвляющая боль под ложечкой подсказывает, что завтра я об этом пожалею, и я знаю, что Джен накричит на меня, но сейчас мне наплевать. Мне просто наплевать.

– Тебе нравится быть одной? – спрашивает меня Кэсси пару часов спустя. Сара с Фредом отправились в дебри Лондона поесть шашлыков с халуми, итак, они просто оставили нас сидящими на деревянных ящиках в кладовке за баром и поедающими из банки пасту «Nutella» пластиковыми вилками. Нравится ли мне быть одной? Это один из тех вопросов, которые мне часто задают. Я в одиночестве уже почти год, и мне несложно ответить, разумеется, да, нравится! После четырехлетнего романа с парнем по имени Тим ничто не могло бы устроить меня больше, чем одиночество. Знаете, как угнетает необходимость произносить его имя во время секса? Прозвища, безусловно, не в ходу, потому что произнести вслух «Тимми» – это истинное преступление, и он действительно не любил, чтобы его называли, как чертову мартышку. Однажды я назвала его так, и он остановился и спросил меня, все ли в порядке. Он сказал, что испугался, что между нами нарушилась «связь», пока мы «занимались любовью». На самом деле меня не удивляло, когда он по привычке употреблял выражение «занимались любовью». Поэтому, когда мы расстались, я пустилась во все тяжкие, испытывая самые яркие сексуальные ощущения. Среди моих партнеров был Парень с умной собакой, Тот, который орет, Тот, который украл у меня столовые приборы, Тонкий и длинный чувак (я имею в виду не пенис, а тело) (но и это тоже). И Сексуально озабоченный доктор, которому следовало бы пересдать экзамены, потому что он, судя по всему, не знает азов анатомии. Как я объяснила своим лучшим друзьям Софи и Томасу, главное было не называть их настоящими именами, чтобы не слишком привязываться к ним, как бродячей собаке.

Сначала все наперебой говорили О, великолепно! и Рады за тебя, и Просто получи удовольствие, ты заслуживаешь этого, и А его жена действительно умерла? Но за последние месяцы отношение ко мне изменилось. Все стали участливо поглядывать на меня из-за моего одиночества, спрашивать, счастлива ли я, спрашивать, одинока ли я, спрашивать, не думаю ли я, что у меня слишком

завышенные запросы. Чего я пытаюсь не слышать, так это Не думаешь ли ты, что ты слишком непостоянна? Они ходили кругом да около, словно меня эта тема должна очень огорчать, словно я представляю собой проблему, требующую решения. Они пишут мне сообщения в День святого Валентина, чтобы проверить, не причинила ли я себе вреда. Я думала, что быть предоставленной самой себе нормально – даже замечательно! – но это заставляет меня сомневаться в себе. Наводит на мысль о том, что со мной что-то не так. Почему я живу одна? Неужели я совершенно непривлекательна?

Внезапно я ощущаю себя чуть-чуть несчастной. Вкус пасты «Nutella» во рту напоминает вкус клея, и я чувствую, как накатывается волна тошноты. Я хочу выйти отсюда, но Кэсси смотрит на меня в ожидании ответа.

– Не знаю, – честно говорю я. – Я не чувствую себя одинокой. Одиночество – это то, что я чувствовала, продолжая надоевшую связь. А в такие вечера, как этот, мне кажется, что мне больше никогда не захочется ходить на свидания. Но когда говорят о любви, то предполагают счастливый конец, ведь так? Тот конец, которого мы все хотим. – Мы умолкаем.

Мой телефон вибрирует, получив очередное сообщение. Кто из моих жалостливых друзей вспоминает обо мне в такой час? Это он! Ублюдок адвокат по налоговым делам, наконец-то. Я читаю сообщение. И перечитываю еще раз. Слова расплываются. Я очень пьяна.

Привет, Элиноор! Я только что увидел твои сообщения. Боюсь, ты ошиблась, мы договаривались встретиться завтра. Я же писал – 15-го.

Ох.

Я проверяю сообщения.

Точно.

В субботу.

После Дня святого Валентина.

Ох.

Между тем приходит еще одно сообщение:

Хмм. Я только что прослушал голосовую почту. Я ужинал со своими бабушкой и дедушкой, поэтому выключил телефон. Давай забудем о завтрашнем свидании, согласна?

Да, это справедливо.

Когда я иду к выходу, кое-кто из парней предлагает «из сострадания трахнуться» со мной, и к тому времени, когда я приезжаю домой, в квартиру, которую я называю грязной дырой, я жалею о том, что не ответила согласием.

От: Алан Найт Alanknightinshiningarmour@BTInternet.co.uk

Кому: Eleanor.knight@gmail.com

Копия: Jennifer.seevy@hotmail.com

15 февраля

Алан Найт

106 Касл-Райз

Джадфилд

Восточный Суссекс

TN22 5UN

Дорогие Элинор и Дженнифер!

Надеюсь, это послание благополучно дойдет до вас. Это ваш папа.

Как вам известно, недавно я посещал психотерапевта, и мне захотелось сообщить вам, что все отлично. Она очень милая, а на стене у нее висит куча сертификатов в рамках. Посылаю вам во вложении несколько ее фотографий. В ходе наших бесед она посоветовала мне вести дневник, и мне это так понравилось, что теперь я решился написать роман. Я принялся за него вчера вечером, и дело пошло как нельзя лучше. Я очень горжусь вами обеими и люблю вас с одинаковой силой. Я подумал, что вам, возможно, захочется прочитать роман, над которым я тружусь. Здесь первая глава, которую я написал прошлой ночью. Я не ложился спать до 22.30!!!!!! Не говорите об этом тете Сюзи или медиуму Шэрон, так как они говорили, что могут заглянуть на чай, а я сказал, что рано лягу спать.

Целую вас обеих и очень горжусь вами обеими.

С наилучшими пожеланиями,

Папа

75 ОТТЕНКОВ ТОНИ

Роман Алана Бернарда Найта

Стоит вам увидеть Тони Брэкстона, и вы никогда не сможете забыть его лицо. У него пронзительные глаза цвета жидкого кофе с молоком и эротический нос. Его рот – это рот мужчины, знающего все слова, какие только есть в словаре, но Тони также способен и промолчать, когда его жена не в настроении, что случается на самом деле довольно часто, тем не менее Тони отлично с этим справляется. Ему где-то под 60, но он выглядит намного моложе и не слишком часто заглядывает в спортзал, он обладает небольшим животиком, однако он не смотрится так, будто махнул на себя рукой, хотя его взрослые дети говорят, что махнул. Словом, он очень красив и часто слышит комплименты по поводу своих икр. В его гостиной стоит степ-тренажер, и он занимается на нем почти целый день, смотря телевизор.

Недавно Тони пережил очень тяжелый период в своей жизни. Его жена Анита была в ужасном настроении и даже заявила, что уйдет от него, что, разумеется, было странной идеей – только гляньте на его икры! Он невероятно переживал из-за дурного настроения Аниты и дважды очень подолгу – всякий раз не менее 15 минут – разговаривал с ней в среду и пятницу во время рекламной паузы в ходе телеигры Погоня, пытаясь обсудить, почему она решила на такое. Но, увы, он не добился успеха. В пятницу вечером Тони приходит домой и видит, что чемоданов Аниты нет, а рядом с городским телефоном, которым он обычно пользуется, поскольку всегда работал в «BT»[3 - «BT» (British Telecom) – британская телекоммуникационная компания.] и не желает, чтобы все городские телефоны исчезли с лица Земли, его ждет письмо, на первой странице которого от руки написано Тони.

Лежащее рядом с городским телефоном письмо сражает его наповал. Анита хочет развода, и, хотя она признает, что он – самый лучший мужчина, встретившийся ей в жизни, и всегда много помогал ей по дому, она, к сожалению, поняла, что больше не достойна его, что ей следует поискать мужчину попроще и, вероятно, постарше, без такого эротического носа, того, для кого она будет готовить запеченные овощи с орехами. Тони очень, очень опечален. Он достаточно уверен в своей мужественности, чтобы позволить себе слегка всплакнуть, но сначала он вспоминает о том, что довольно голоден, поэтому идет на кухню в поисках еды.

Войдя в кухню, он с удивлением находит там свою соседку Ванду, которая ждет его, весьма развязно склонившись над столешницей. На ней надет очень облегающий джемпер, в котором Тони узнал джемпер из каталога «Boden», он недавно листал его, сидя в туалете. Поздоровавшись с ним, Ванда мгновенно переводит взгляд на обнаженные икры Тони, поскольку он в этот довольно солнечный, хотя и февральский, день в шортах. Ему кажется, что икры произвели на нее впечатление, и теперь он ждет от Ванды комплимента или объяснений, почему она здесь.

– У тебя такие стройные икры, Тони, – говорит Ванда. – А теперь, позволь я скажу тебе, почему я здесь.

Он был прав.

– Анита сказала, что уходит от тебя, что за странная идея пришла ей в голову, только посмотри на свои икры и глаза цвета жидкого кофе. Я подумала «бедный Тони» и сразу же бросилась готовить для тебя ужин. Что ты любишь?

Добрых пять минут Тони раздумывает, пока Ванда недвусмысленно дает ему понять, что восхищается его привлекательным, задумчивым лицом. Наконец, Тони, приняв решение, говорит Ванде, что хочет на ужин запеченные овощи с орехами и цыпленка. К счастью для обоих, у него есть все ингредиенты для ужина, так как в этот вечер жена должна была приготовить запеченные овощи с орехами и цыпленка, поэтому Ванда немедленно переходит к действию, перемещаясь по кухне, как красавица Найджела Лоусон[4 - Найджела Лоусон (1960) – британская журналистка, телеведущая, ресторанный критик, автор книг по кулинарии.], которой Тони нередко восхищался, когда та сбрызгивала жиром цыпленка. Тони надеется, что Ванда поступит так же, как Мэри Берри[5 - Мэри-Роза Эллейн Берри (1935) – автор кулинарных книг и телеведущая.], поскольку в пятницу вечером после запеченных овощей с орехами Тони обычно предпочитает съесть творожный пудинг. Как бы то ни было, когда все наконец готово, Тони и Ванда вместе садятся ужинать у телевизора, а потом Ванда заводит речь о том, что жизнь Тони скоро изменится НАВСЕГДА, хотя он об этом еще не подозревает.

– Тони, – говорит Ванда. – Не хочешь завтра пойти со мной в клуб книголюбов?

Их взгляды встречаются, и Тони чувствует, что его жизнь скоро изменится НАВСЕГДА.

2

10.10, понедельник 17 февраля

Местоположение: Мой теперешний-довольно-красивый офис в дизайнерской фирме «The Hales». Он большой и просторный, со стеклянными стенами. В одном конце офиса с открытой планировкой располагается большой телевизионный экран и диван для того, знаете ли, чтобы при случае попить кофе в перерыве. Есть также настольный футбол, которым никто никогда не пользовался, но он помогает, учитывая, что атмосфера в офисе прямо как в заднице.

На протяжении последних сорока минут я сижу, уставившись на документ в приложении InDesign, и устремляюсь на новые уровни небытия. Всякий раз, когда я пытаюсь сконцентрироваться на работе, я вновь ощущаю, как к горлу подступает отвратительный, горячий комок унижения от пятничного вечера. Когда я проснулась в субботу, все еще полностью одетая, со слипшимися от затвердевшего макияжа глазами, я увидела, что Дженнифер звонила мне целых восемь раз и прислала четыре взбешенных голосовых сообщения, напоминая в очень специфических выражениях о том, что я – жалкая неудачница, которая все портит – я цитирую. Еще хуже было мое похмелье, и я поползла в туалет, пока из меня не хлынули остатки вчерашнего вечера. Яркие воспоминания преследовали меня весь день, так как Джен пыталась несколько раз дозвониться до меня, но я не отвечала.

Не было нужды слушать, что я снова потерпела неудачу. Что я кретинка. Что я навсегда останусь одна. Что Мартин – вполне достойное имя.

Черт побери, к моему столу подходит Джеки. Джеки – офис-менеджер и считает себя моей «служебной матерью». Она всем так говорит, но единственным признаком наших семейных отношений служат постоянные споры, она указывает мне, что делать, хотя не имеет ничего общего с моим отделом, и мы, по существу, ненавидим друг друга. За исключением этого, она – вполне обычный человек: замужем, мать двоих мальчишек-подростков, которая думает, что я расстроена из-за своего одиночества. Все как обычно. Она принадлежит к числу тех коллег, которых все ненавидят, потому что, стоя рядом с твоим столом, она постоянно смотрит на экран твоего компьютера. Читает твои электронные сообщения, просматривает все, над чем бы ты ни работала (что касается меня, то она отслеживает в Instagram моих бывших приятелей). Вы знаете таких людей, они отвратительны.

В данный момент под предлогом того, что хочет узнать, как ввести ключевой код, как будто я знаю, – как будто кто-нибудь знает, – она изучает документ, с которым я ничего не сделала. Когда я три года назад начала работать здесь, меня это так выводило из себя, что я была готова неловко прикрыть экран или отвлечь ее, помахивая в ходе разговора рукой. Я пыталась отходить от стола, подчеркнуто свертывая свои открытые окна, но все было напрасно. Итак, теперь мы находимся в противостоянии – она продолжает смотреть, а я ищу новый изобретательный способ взбесить ее. До последнего времени при ее приближении я чаще всего использовала картинки из Google с «забавными половыми членами», но на прошлой неделе я, повысив ставки в игре, просто написала ярко-красным шрифтом «Отвали, Джеки», расположив надпись в центре экрана. Ей это не понравилось.

Если честно, странно, что меня еще не уволили, но мой босс – очень тактичный мужчина. Очень, очень тактичный. А следовательно, совершенно непригоден к работе. Он не в силах переносить никакие скандалы, что я нахожу весьма занимательным. После выходки с ОтвалиДжеки он, в конце концов, вызвал меня к себе в кабинет.

– Что вы делаете для того, чтобы наверстать упущенное? – сказал он, промокая потное лицо рукавом.

– Да все, как всегда, замечательно, Дерек, – ответила я, уклоняясь от разлетающихся брызг.

– Отлично, отлично. Ну... так вы всем довольны? Довольны, как идет ваша работа?

– Да, Дерек, очень довольна. А вы довольны моей работой?

– О господи, да! Клиенты любят вас, а последний проект, который вы сделали, был... очень, очень удачным, то есть... хорошим. Хм...

Несколько минут мы сидели молча, и мне было немного жаль Дерекка – по его щеке стекал пот, а рубашка постепенно меняла цвет, когда капли пота стекали на грудь, но я была не в силах помочь ему.

– Это все, Дерек?

– Хм, нет-нет... да... нет-нет. – Я встала, чтобы уйти, и он запаниковал. – Просто... ну, Джеки... Джеки Джеки Джеки...

– Да?

– Джеки не думает, что она... как у вас дела с Джеки? – предпринял он отчаянную попытку.

Я подняла большой палец.

– Она входит в первую пятерку в офисе, Дерек.

– О! Прекрасно. Прекрасно. Это... прекрасно. Я расскажу ей о нашем разговоре. Только вы... Джеки сказала... Джеки Джеки Джеки.

Я вздохнула.

– Это по поводу надписи «Отвали, Джеки»?

– Да! – Его облегчение было осязаемым.

Я улыбнулась.

– Я этого не делала, – сладким голосом проговорила я, широко раскрыв глаза и подстрекая Дерека возразить мне. Разумеется, он не возразил, а только пристально и беспомощно смотрел на меня до тех пор, пока я не намекнула ему, что мне пора возвращаться на рабочее место. Он просто печально кивнул, сознавая свой собственный провал. Бедный парень.

Но это случилось примерно две недели назад, и Джеки, явно оставившая тот инцидент в прошлом, снова стоит у моего рабочего стола.

– Как прошли выходные? – спрашивает она с невинным взглядом.

Ага, теперь мне понятно. Вопрос о ключевом коде был лишь предлогом. Теперь мы узнаем, почему же на самом деле она слоняется здесь.

– Замечательно, – осторожно отвечаю я. – Спасибо за участие, Джеки. А у тебя?

– О, в День святого Валентина Найджел повел меня ужинать в восхитительный ресторан, но не прошло и пяти минут, как у него началась аллергическая реакция на лосося, поэтому нам, в конце концов, пришлось уложить его на пол и сделать укол «Эпипена»[6 - Эпипен – противоаллергическое лекарственное средство.], а следующие семь часов мы провели в отделении «Скорой помощи». Когда же мы, наконец, вернулись домой, оказалось, что мальчики все перевернули вверх дном, поэтому остаток выходных я наводила порядок и заказывала новые цветочные горшки на сайте Argos. – Она театрально замолчала. – Но по крайней мере в День святого Валентина я была со своей семьей. Наверное, тебе было намного, намного хуже. Не могу представить себе, что значит быть одинокой. Прости, Элинора. – Ее губы складываются в приторную улыбку. Она пьянеет от удовольствия и притворного сочувствия, неловко извиняясь, словно кто-то умер. И естественно, мое чувство собственного достоинства уже на пределе.

Я, вопя в душе, слежу за дыханием, возвращаю ей улыбку и как бы невзначай говорю:

– Правда, Джеки, я замечательно провела выходные. Я так много занималась сексом с самыми разными мужиками с гигантскими пенисами, что у меня

начался цистит. Извини, пожалуйста. Мне нужно выпить клюквенного сока, а потом пописать, чтобы вытекала кровь.

Я убегаю, а она хмурится, что-то бормоча насчет того, что она обо всем расскажет Дереку.

Хотелось бы мне посмотреть, как он попытается поговорить со мной об этом.

В офисной уборной – представьте себе туалет в начальной школе – я пристально смотрю на свое отражение. Даже три дня спустя после попойки мое лицо желтого цвета, словно у меня желтуха, а темные мешки под глазами опухли так, что грозят расплыться на все лицо. Я вздыхаю, достаю телефон и просматриваю сообщения. Мне не хочется возвращаться на рабочее место, и я настраиваюсь на то, чтобы покакать и убить таким образом лишние пять минут. Но я знаю, что ничего не получится. Мой кишечник бывает сговорчив только во время месячных, когда я хожу по-большому семнадцать раз в день. Во время месячных мы с Софи все время оповещаем друг друга о том, сколько раз мы покакали. Я довольно конкурентоспособна, но мне никогда не удастся стать первой. Это одна из областей моей жизни, где я обязана побеждать, пусть даже раз в месяц.

Дверь уборной распахивается, и Мэдди пронзительно окликает меня по имени.

– Ты сказала Урсуле, что занималась в выходные сексом? У тебя, правда, было свидание? Или тебе просто хотелось позлить ее?

Мы называем Джеки «Урсулой» за дьявольский изгиб ее губ, накрашенных убийственной губной помадой (красивого оттенка, я сама ей подарила), как в мультфильме Русалочка. Потому что у Урсулы так много щупалец, что она, по существу, пытается управлять океаном/фирмой «The Hales» и королем Тритоном/Дереком. Кроме того, она носит длинные летящие черные платья и одержима своим садом. Мы еще не получили никаких доказательств того, что она заключает сделки с русалками, а потом превращает их в сморщенных коричневых пучеглазых существ, но МЫ НАД ЭТИМ РАБОТАЕМ.

– Просто я пытаюсь развязать офисную войну, – говорю я, заключая ее в объятия. – И я пока не могу говорить о пятничном свидании, это слишком унижительно. Я сейчас на стадии отрицания.

– О, какая досада. Мне не терпелось услышать об этом, – говорит унылая и чуть-слишком-утянутая Мэдди. Ей нравится слушать рассказы о моей любовной жизни. Она 13 лет живет со своим приятелем Беном – буквально с 15 лет – и постоянно страшится того, что он сделает ей предложение. Сейчас их отношения достигли такого накала, что она стала отказываться от поездок с ним в отпуск, потому что боится, что он где-нибудь на пляже возьмет да и упадет на колени. А раз в неделю она обыскивает его ящик для носков в поисках спрятанных обручальных колец, которые, как она уверяет, она бы выбросила. Она любит его – конечно, любит, – но ее удерживает страх, что она встретила своего «единственного» в таком юном возрасте. Что, если она упустила других, более сексуальных парней? Упустила другие возможности, другие романы, другие пенисы. То есть наши дружеские отношения целиком базируются на безысходной потребности Мэдди выслушивать личные любовные истории других людей. Она явно отдает себе отчет в компенсаторной природе своего желания и время от времени настойчиво умоляет меня заняться сексом с Аароном из отдела писем, чтобы она смогла сделать вид, что сама занималась с ним сексом.

– Сообщи мне, когда будешь готова рассказать мне об этом, – жалобно говорит она, а потом, немного помолчав, спрашивает без-преувеличения-в-семимиллионный-раз: – Ты точно пойдешь в следующую пятницу?

Мэдди нечасто позволяет себе такие вещи, как вечеринки. Полгода назад они с Беном купили пса по кличке Альфред, с которым они обращаются как с избалованным, непослушным, безнадежным ребенком. Хуже, чем с избалованным, непослушным ребенком. Они прочитали кучу книг для будущих родителей и месяцами спали посменно, чтобы пес Альфред не чувствовал себя одиноким. Это был очень сложный период, потому что Бен явно выступает за «естественное воспитание», тогда как Мэдди считает, что пес должен вовремя ложиться и спать в собственной комнате. Да, у пса есть собственная комната. Из-за этого их отношения стали такими напряженными, что Мэдди все время пытается рассказать мне о том, какой вред может принести щенку чрезмерная родительская опека. А я все время пытаюсь втолковать ей, какой вред могут принести нашей дружбе подобные разговоры.

Я смеюсь.

– Конечно, пойду, – отвечаю я, сжимая ее ладонь, чтобы успокоить. – Даже если бы вы не доставали меня, ведь это почти предписание об обязательной явке, разве не так? Прежде я никогда не видела, чтобы Дерек занимал твердую позицию по какому-то вопросу.

В пятницу, о которой идет речь, у нас на работе намечается мероприятие (я говорю «мероприятие», потому что отказываюсь использовать слово «вечеринка»). Это официальный ленч по поводу национального конкурса искусств, одним из пятидесяти спонсоров которого является фирма «The Hales». Это значит, что будет сотня гостей, которые думают, что они «повеселятся», если придут без галстуков и будут притворяться до такой степени пьяными, что сочтут возможным танцевать и флиртовать друг с другом. И это несмотря на «стол с напитками», где будут стоять семь бутылок белого вина «Jacob's Creek», совершенно опустошенных после 7 часов и 2 минут вечера, после мы будем пить фруктовый сок «Robinson's Summer Fruits», притворяясь, что никогда так хорошо не проводили время. Жду этого с нетерпением.

Мы с Мэдди бредем к своим рабочим столам, и она рассказывает мне о последних поведенческих проблемах Альфреда и о том, как у его психотерапевта ум за разум зашел. Я понимающе киваю и плюхаюсь за свой стол. Когда Мэдди не спеша уходит, я громко вздыхаю, и со всех концов комнаты до меня долетают отзвуки других вздохов. Всех напрягает новый проект, который мы презентуем. Дерек хочет как можно скорее получить от нас эскиз, но я, серьезно, не могу, когда меня достают. Мне хочется выкрикнуть это на весь отдел, но потом я вспоминаю о том, что формально мне платят за то, что я нахожусь здесь. «The Hales» – это дизайнерская компания, которая занимается оформлением детской литературы: книг, журналов, плакатов, обучающих брошюр и всякого такого. Коллектив состоит в основном из мужчин в возрасте под 50, которые показались бы вам омерзительными, но это всего лишь сексизм и эйджизм. На самом деле, это омерзительно потому, что все они омерзительные люди.

Я работаю здесь художником-иллюстратором. Теоретически. Но до иллюстраций дело доходит редко. Я все время встречаюсь с клиентами, притворяясь, какое сильное впечатление производят на меня их бредовые идеи («Что, если этот герой будет свиньей?», «Можно ли сделать так, чтобы у этого персонажа вместо носа был пятачок, как у свиньи?», «Вы знали, что свиньи умнее людей?? Я где-то читал об этом». Вину за эту чушь я возлагаю на героиню мультфильма Свинку

Пеппу.)

В большинстве случаев все проходит замечательно, но я мечтала не об этом. У меня ученая степень в области гуманитарных наук – настоящая степень, понимаешь, БАБУЛЯ ГЛЭДИС[7 - Бабуля Глэдис – самка ленивца из мультсериала Ледниковый период.]? – и я долгие годы думала о том, чтобы стать настоящим свободным художником. Я много писала дома – крупные, яркие картины на огромных холстах, – пока не переехала в эту Грязную дыру, где в мою комнатенку едва умещается односпальная кровать. Но я не хочу застревать здесь слишком надолго. Как только продам старую квартиру, я смогу найти что-нибудь подходящее. Может быть, я даже займею собственную студию и смогу расписать стены яркими красками, которые всем будут резать глаза. При мысли об этом я улыбаюсь, а затем напоминаю себе о том, что вряд ли это произойдет скоро.

Я снова раздумываю, не спросить ли папу, можно ли переехать обратно, и внезапно у меня звонит телефон – это папа. Если вы думаете, что это совпадение, то это не так. Это происходит в одиннадцать часов утра, и это, разумеется, подходящее время для того, чтобы звонить человеку, зная, что он на работе. Папочка ушел на пенсию примерно год назад и словно мгновенно забыл о том, как люди работают, понимаете, работают. Он, как всегда, недоумевает – НЕДОУМЕВАЕТ – по поводу того, что я не могу поболтать в 15.40 о том, кто кого пытался убить на этой неделе на улице Коронации[8 - Улица Коронации – британский телесериал.]. Обычно я включаю голосовую почту и перезваниваю ему во время ленча, но после всех этих петушиных разговоров, у меня возникло желание поговорить с папой (неудачная шутка, не волнуйтесь, мне стыдно). Я нажимаю клавишу, чтобы ответить, и нехотя бреду в приемную, через всю комнату встречаясь взглядом с Урсолой и подстрекая ее заговорить со мной.

– Привет, папа, – сердечно приветствую его я.

– Ленни? Это ты? Это папа.

– Да, да, та самая дочь, на мобильный телефон которой ты звонишь. Я вижу, что ты звонишь с городского телефона, рада за тебя. Это ведь последний, который остался.

– Откуда ты знаешь?

Кажется, он удивлен. Он иногда пользуется мобильным телефоном, поэтому забавно, что его смущают разнообразные возможности. Но с другой стороны, его многое смущает в современном мире. Мой папочка – интереснейший тип. Он невысокий и округлый, с длинными и густыми седыми волосами – главным образом прорастающими на бровях – и со спины выглядит почти так же, как пожилая женщина. А вообще-то и спереди. Незнакомцы часто, обращаясь к нему, говорят «мадам», а на прошлой неделе один мужчина в местном пабе не хотел пускать его в мужскую уборную. Он без конца указывал ему на женский туалет, и они препирались до тех пор, пока папа не уступил и не ушел.

Я не отвечаю на его вопрос.

– Как у тебя дела, папа?

– О, у меня все прекрасно. Просто мне очень захотелось поболтать.

– Ладно, чудесно, но я на работе...

– Ты на работе? Но... (Я знаю, что он смотрит на стенные часы) (да, он последний человек на планете, у кого есть стенные часы) ...сейчас 11 утра, Ленни?

Я не совсем понимаю, о чем он.

Я откашливаюсь.

– Может быть, я перезвоню тебе во время ленча? – предлагаю я.

– Это было бы замечательно. Но не тогда, когда я смотрю свои мыльные оперы, если ты не против, Ленни.

Эй, помните, когда два раза в день показывали сериалы Соседи и Домой и в путь? Один раз – в обеденное время, а другой раз – часов в пять. Папочка любил смотреть их во время ленча, поэтому теперь он записывает их (НА

ВИДЕОКАССЕТУ, БЛИН, ВЫ ЖЕ ЭТОГО НЕ ДЕЛАЕТЕ) и смотрит на своем старомодном видеомэгнитофоне.

Он молчит.

– Хотя я мог бы посмотреть их позже?

Это крайне любезно с его стороны. Я знаю, что он дорожит своим распорядком дня.

– Нет, все отлично, – говорю я, а потом замолкаю. – Папа, ты уверен, что у тебя все нормально?

– Да! Да. На самом деле я хотел поговорить с тобой, если это возможно. Мой психотерапевт подтолкнул меня к тому, чтобы я поговорил на эту тему с тобой и Дженни. Не спеши звонить, но не могла бы ты заглянуть ко мне в эти выходные?

Если это исходит от его психотерапевта, то это может быть все, что угодно – возможно, его помидоры не проросли, как обычно.

– В субботу? Конечно, загляну, папа.

Честно говоря, я в любом случае езжу к нему почти каждую субботу, ему не стоит вести себя так, словно я его бросила.

– Восхитительно! Кэндис говорит, что испечет для тебя пирог. Тебе понравится.

Недавно она положила помидоры во фруктовый пирог – мне это не понравится.

– Как приятно, – восторженно говорю я. – Да, мне сейчас лучше вернуться на рабочее место, папа. Увидимся в субботу, целую тебя.

– Целую тебя, Ленни.

Я возвращаюсь к своему столу и продолжаю бездельничать.

Глава 3

18.54, пятница 21 февраля

Местоположение: На улице, рядом с чудесным домом из красного кирпича, где живет моя лучшая подруга Софи Эллис, отгороженного от шоссе рядом высоких старых деревьев. Дом перестраивают, еще больше углубляя подвал, чтобы устроить там «игровую комнату», поэтому в настоящее время он покрыт лесами, потому что, дорогие мои, у всех в Суррее в подвалах устроены игровые комнаты. Но, поверьте мне, внизу под всеми лестницами мужчины спускают штаны, поистине чудный дом.

Софи открывает дверь. Ее длинные волосы аккуратно зачесаны на одну сторону и развеваются по плечам, будто она принцесса Жасмин[9 - Жасмин – героиня диснеевского мультфильма Аладдин.], а ее выглаженная белая блузка – действительно белая. То есть, в отличие от всех белых вещей, которые есть у меня. Они все, скорее, желтовато-серые. Ниже пояса она облачена в то, что, на мой взгляд, можно назвать слаксами, но, по правде сказать, я не знаю, что такое слаксы. Что бы это ни было, ей все идет. Боже мой, моя лучшая подруга изумительна. Иногда я просто показываю незнакомцам ее фотографии, чтобы они восхитились ее совершенством.

Софи, тряхнув волосами, громко приветствует меня, заключая в объятия, и на секунду я сожалею о том, что не посвятила несколько минут получасовой поездки наложению макияжа. Если говорить честно, большую часть пути я провела, уткнувшись в чей-то сосок, и не думаю, что парню, которому принадлежал этот сосок, понравилось бы, если бы я оставила на нем след от блеска для губ, с которым он вернулся бы домой к жене/мужу/назойливой матери. Я приехала с... да прямо с работы, как всегда, волнуясь в предвкушении. И конечно, Томас, который только что показался из гостиной, со смехом отталкивает Софи и обнимает меня так, что кости трещат. Он подхватывает меня и, как пожарник, вносит внутрь, Софи напевает «Вот идет невеста»[10 - Мелодия, исполняемая при подходе невесты к алтарю.], а я шутливо брыкаюсь и торжественно добавляю: «Жирная и толстая!»

Томас Уайт влюблен в меня. Определенно. Все так говорят. Я думаю, это скорее удобная иллюзия, так как мы дружим уже очень давно, и у всех остальных есть пара, а я навлекаю на себя все несчастья, которые только возможны. Мы никогда не говорили на эту тему, и сейчас, когда он опускает меня на пол в кухне, глядя по голове, я снова надеюсь, что мы никогда не заговорим об этом. На самом деле мне не хочется, чтобы меня принуждали слишком тщательно анализировать эту ситуацию. Вдобавок это глупая избитая фраза, но это разрушило бы наше дружное трио, и я бы никогда не простила себя за это.

Софи кричит, что принесет мне выпить, и приказывает поздороваться со своей дочерью Сиарой, которой где-то от двух месяцев до двух лет (я проверила по календарю в телефоне, похоже, ей год и восемь месяцев, кто знает?), она тихо сидит в гостиной. Я машу рукой в направлении Холодного сердца[11 - Холодное сердце – американский компьютерный анимационный фильм (2013).], выполняя свой долг, и возвращаюсь к разливаемому Софи спиртному. Мы пьем просекко за здоровье и за то, что мы в пригороде, где ничего, кроме этого, не пьют, и в следующие несколько минут перекрикиваем друг друга, как это делают старые друзья. Жалуемся на работу, обсуждаем погоду и спрашиваем новых членов семьи Софи – Сиару и Райана, отца Сиары.

Мы с Софи дружим с тринадцатилетнего возраста, когда ее русско-латышско-африканские корни проявились слишком ярко, вызвав нездоровый интерес у пятнадцатилетних мальчишек. Я видела ее раньше на спортивной площадке, но близко мы познакомились, когда однажды я нашла ее плачущей в биографическом отделе школьной библиотеки. Само собой разумеется, я тоже начала плакать.

– Это из-за Райана Этвуда[12 - Райан Этвуд – герой телесериала Одинокие сердца.]? – спросила я через несколько минут после бесшумных рыданий, думая о драматическом повороте в предыдущей серии Одиноких сердец.

Разумеется, не из-за Райана Этвуда, объяснила она, а из-за неприкрытого расизма на спортивной площадке. Не помню, что я ей сказала, но, прежде чем успокоить ее по поводу расизма, я удостоверилась, что она – фанатка Одиноких сердец. Мы еще немного поплакали вместе, а потом прямо там, сидя на полу, решили, что будем близкими подругами. Я пообещала защищать ее от мальчишек, благодаря своим недавним достижениям – привет, в одночасье выросшие сиськи! – и их отвлекающей силе, а она пообещала помочь мне засечь

где-нибудь Адама Броуди[13 - Адам Броуди (1979) – исполнитель одной из ролей в сериале Одинокие сердца.] и соблазнить его, вероятно, с помощью моих неожиданных приобретений. Однако проблема состояла в том, что в дружбе я искренне придерживалась принципа «один за всех», поэтому мы с Софи отправились в математический корпус навестить Томаса. Мы с Томасом жили по соседству, когда были детьми, и с тех пор были лучшими друзьями, каких свет не видывал, но он, по правде говоря, был равнодушен к Одиноким сердцам, что для меня было камнем преткновения. Я объяснила ему ситуацию, и он почти согласился больше не торчать рядом со мной, но потом Софи предложила стать нам всем лучшими друзьями. Она сказала, что это будет троица и что у нее дома есть три костюма для Суперкошек[14 - Суперкошки – герои одноименного мультсериала, известного также под названием Крутые девчонки.], которые мы могли бы надеть и бороться с преступностью! Но Томасу такая идея оказалась не по душе, и он сказал, что довольно будет просто дружить. Итак, мы стали троицей, и, хотя мы не владели магией Суперкошек, на нашей стороне была объединенная суперсила моих двух сисек и популярность Томаса, игравшего нападающим в футбольной команде. После чего расисты – а также вся остальная школьная братия – почти оставили нас в покое.

Шестнадцать лет спустя мы по-прежнему общаемся только узкой компанией. Муж Софи, Новый Райан (не Этвуд), появился несколько лет назад, но он знает, что он – не член нашего клуба. Он, правда, милый – мы с Томасом целиком одобряем его, в противном случае не было бы никакой свадьбы, – но он, понятно, чувствует себя лишним, когда мы рядом, поэтому в пятничные вечера он обычно уходит, чтобы не мешать нам. Нельзя винить его. Кто не почувствовал бы себя лишним, слушая, как трое взрослых, погружившись в школьные воспоминания, обсуждают сексуальную неадекватность учителя физики мистера Трампа, который однажды в городском баре, когда нам было по шестнадцать лет, проявил ее по отношению ко всей нашей троице. (Софи была не против, но мы отговорили ее) (ему было не меньше 50) (а его жена находилась здесь же, в баре) (а еще у него была густая борода) (но совершенно чистое лицо?) (Это было очень странно, как будто он забыл побрить подбородок, когда брил лицо. Странно, верно?). Райан не понял, когда мы дали ему прозвище Новый Райан, и смутился еще больше, когда мы рассказали ему о Райане Этвуде. На самом деле в молодости он не слишком увлекался телевизором, поэтому ему непонятны наши культурные отсылки. Он страшно умен – ведь он бухгалтер, который вроде бы считает миллиарды, – но в его общих познаниях зияют странные дыры. Мы называем это «гениальным пробелом» и всегда, когда он дома, садимся в кружок и спрашиваем его о всякой ерунде, которой он еще не знает. На прошлой

неделе к перечню базовых вещей, которых он не знает, мы добавили сериал Друзья и сдобные пышки.

Софи приготовила для нас рыбу с овощами, и весь ужин разговор, как обычно, крутился вокруг моей жизни. Софи уже слышала мучительные подробности моего свидания в прошлые выходные, но Томас, как зачарованный, слушает о моем печальном провале. Он молчит, когда я рассказываю ему о том, как Кэсси выкрикивала «идиот» на голосовую почту мужчины, пытавшегося поужинать со своими бабушкой и дедушкой, и важно кивает, когда я описываю, как Джен кричала на меня целых восемь минут. Это был новый рекорд, и она присудила мне недельный «сестринский штраф». Джен назначает штрафы всем, кто разочаровывает ее, такова ее привычка. Это что-то вроде содержания под стражей для взрослых правонарушителей или наказания, но мне не разрешается звонить ей всю неделю. Если я позвоню, то срок будет продлен на месяц. Закончив объяснения, я умолкла, чтобы добрый Томас утешил меня или произнес какие-нибудь успокаивающие слова.

Он серьезен и через несколько секунд говорит:

– Ты можешь дать мне номер телефона барменши? Мне кажется, она великолепна. – Я, ворча, отталкиваю к нему тарелку. Софи цыкает на меня, как на невоспитанного ребенка, но мы все знаем, что Сиара никогда не ведет себя так ребячески (хотя, если бы кто-нибудь кормил меня пластмассовой ложкой, какие дают в самолете, пожалуй, я снова поступила бы так же).

Софи ласково треплет меня по руке.

– Постарайся не расстраиваться, такое случается. По крайней мере ты никогда его больше не увидишь. А Джен в конечном счете простит тебя. – Потом лицо Софи светлеет. – А как насчет Tinder[15 - Tinder – популярное платное мобильное приложение для знакомств.]?! – возбужденно спрашивает она, словно им в этом месяце интересуется она одна, а не семьсот миллионов человек.

Я пожимаю плечами. После разрыва с Тимом у меня была куча свиданий, мне казалось, что это весело, а потом стало противно, через восемь минут я начинала чувствовать себя подавленной. Или недель. Не могу сказать точно. Время смазывается в вихре Tinder.

К сожалению, мое пожатие плечами было воспринято как согласие (как на пьяной вечеринке в кампусе), и Софи уже хватает мой телефон. Томас смещается ближе к ней, и они оба начинают хихикать над фотографиями и диапазоном местоположения. Теперь в этой пьесе мне не отводится никакой роли, я иду в другую комнату посмотреть на Сиару. Холодное сердце ожило и теперь хихикает, разглядывая книжку Очень голодная гусеница[16 - Очень голодная гусеница – детская книжка с картинками американского писателя Эрика Карла. Элементом ее оформления служат дырки в картоне.], которую не может даже прочитать. Эту книжку подарила ей я (такая заботливая крестная). Надеюсь, однажды она полюбит ее, потому что в детстве это была моя любимая книга. Мне нравятся яркие картинки и восхитительная на вид еда. Помню, как мама перечитывала ее мне снова и снова. Сиара опять хихикает, просовывая свои ангельские пальчики в дырки.

– Думаю, это весело, – говорю я ей, плюхаясь рядом и тыкая пальцем в другие дырки. Она смотрит на меня снизу вверх и радостно улыбается, протягивая кулачки к моему лицу.

Разве не забавно, когда у ваших друзей появляются дети? Вы представляете собой сплоченный коллектив из людей, которых тщательно отбирали на протяжении всей своей жизни, которые любят вас и хотят проводить с вами время, а потом у одного из них рождается ребенок, и у вас уже нет выбора. Этот крохотный человечек автоматически становится членом вашей компании, потому что он теперь один из вас.

Хорошо, что Сиара такая милая. Она нам прекрасно подходит, отчасти потому, что не досаждают нам и Софи не меняет в моем присутствии подгузники. Я беру Сиару на руки и принимаю ее к ее волосам. Все говорят о том, как пахнут малыши, ведь так? Особенно девушки. Говорят, когда вы нюхаете младенца, ваша матка пульсирует и пульсирует до тех пор, пока вы не сможете совладать с собой и не отыщите в Google местный банк спермы.

Со мной этого не происходит.

Я опускаю Сиару вниз, желая ощутить более острые эмоции, чем ощущаю сейчас. Мне кажется, она мила, как никто – а я знаю в этом толк, поскольку знакома с другими детьми, – но она не порождает во мне желания заиметь ребенка. Я вспыхиваю от разочарования в себе. Я хочу иметь ребенка, но просто

не могу представить то время, когда я стану матерью.

Когда пару лет назад Софи сказала мне, что пытается забеременеть, я затрепетала от страха. Сама мысль о том, что она считает себя достаточно ответственной для того, чтобы воспитывать другого человека и произвести его на свет... просто непостижима. Софи! Софи, которая пишет мне сообщения, хвастаясь тем, что она сходила в туалет, Софи, которая, когда ей было двадцать два года (в Год великой битвы потаскушек), за одни сутки переспала с тремя парнями, Софи, которая однажды послала мне крупный план своего соска, пытаюсь убедить меня, что это НЛО. Теперь Софи – мать настоящего человеческого существа. И ее как будто даже не беспокоит то, что из Сиары может вырасти новый Гитлер.

Сиара кладет книжку себе на голову и машет мне рукой.

– Когда-нибудь ты, может быть, станешь Гитлером, – шепчу я, а она кивает в знак согласия.

Мы с Сиарой, уютно устроившись на диване, спокойно просмотрели две серии Свинки Пеппы (Джордж и Пеппа скоро превращаются в Росса и Монику[17 - Росс и Моника – персонажи телесериала Друзья.]). (Ладно, я не имею ни малейшего представления о том, что происходит в этом мультфильме.) Она начинает клевать носом, а я размышляю о том, что она, вероятно, успокаивается, посасывая мой большой палец, но потом Софи громко кричит мне, чтобы я вернулась. Она хочет показать мне мужчину в маске слона. Точнее, в маске слона, которую он носит не на лице.

– Я не права, что нашла его привлекательным? – спрашивает она, смеясь, и прокручивает остальные снимки порнозвезды в маске слона, всякий раз надетой по-разному, затейливо.

Томас качает головой.

– Ох, Софи, неужели Новый Райан не слишком выкладывается в последнее время?

Софи снова цыкает, а я забираю свой телефон. Кажется, я подошла Человеку-Слону, как и остальным шестидесяти двум неотразимым потенциальным

партнерам.

– Мы ответили согласием всем, – услужливо говорит Томас. – Лично я пролистал по крайней мере пару сотен мужчин, поэтому не льсти себе количеством совпадений, на самом деле это всего лишь легкое проявление интереса. Особенно в пятничный вечер. Это час пик в Tinder. А еще тебе пришли сообщения.

Ого, посмотрите-ка. И правда. Довольно много.

Среди них девять сообщений с одним лишь словом «привет».

Три относительно витиеватых сообщения – «Как поживаешь?».

Семь сообщений со словами «Привет, как дела?»

Два сообщения, где написано «Ты такая сексапильная».

И одно сообщение с текстом: «Привет малышка до скорого» безо всяких знаков препинания, но с кучей смайликов в конце.

Ой, тут еще одно. Этот льстец только что прислал мне танцующую мартышку, что нельзя считать комплиментом. Ведь, правда, нельзя?

Вздыхнув, я прокручиваю остальных потенциальных женихов и закатываю глаза, когда оборачиваюсь к друзьям, которые, видимо, довольны собой. Софи с Томасом действовали без разбора, но здесь полно похожих друг на друга пижонов. Семьдесят процентов мужчин как будто очень гордятся, позируя с тиграми, а остальные тридцать присылают сделанные в спортивном зале селфи с обнаженным торсом. Я бросаю на Софи испепеляющий взгляд.

– Тебя никто не заинтересовал? – разочарованно спрашивает она. – Как насчет парня с обнаженным торсом в спортивном зале?

– Какого именно? – говорю я, снова показывая ей кучу позеров.

Вдруг возникает изображение мужчины со взглядом убийцы. Он «обожает» меня. Я прокручиваю дальше и вижу, что эти Глаза убийцы – известные так же, как «Стив» – интересуются лишь одним – леди Гагой. Описывая себя, он сообщает: «У меня большое сердце, мне нравится доставлять удовольствие людям. Если у тебя широкие взгляды и открытое сердце, то просто проведи сейчас слева направо». Томас перегибается через меня и касается кнопки в виде сердечка. Убийца-Стив немедленно шлет мне сообщение, которое гласит: «У тебя огромные сиськи».

Мне не по себе.

Томас фыркает:

– У него все ответы заготовлены заранее.

Я выхожу из приложения и кладу свой телефон на обеденный стол экраном вниз. – Не-е-ет, – дуясь, говорит Софи. Я возвращаю телефон ей.

– Почему бы нам не заставить Томаса познакомиться с кем-нибудь? – недовольно говорю я, и она смотрит на меня с удивлением. Ей это не приходило в голову, потому что, разумеется, никому не придет в голову заставлять такого сексапильного, неповторимого мужчину назначать свидание в Интернете.

– Я в этом не нуждаюсь, – говорит Томас, самодовольно ухмыляясь и подмигивая. Я имитирую приступ тошноты, а Софи со вздохом снова хватается мой телефон.

– Просто мне хочется, чтобы ты с кем-нибудь познакомилась. Я бы пошла с тобой на свидание вчетвером. Я хочу, чтобы Райану было с кем поговорить, когда мы собираемся все вместе. Я хочу видеть тебя устроенной и счастливой.

– Я счастлива.

Она смотрит на меня тяжелым взглядом, она мне не верит.

– Почему бы не погулять недельку-другую? – говорит она, возвращая мне телефон. – Походи на свидания, посмотри, как пойдет. Попытайся ради меня.

Я смеюсь.

– Ладно, идет. – Все, что угодно, ради спокойной жизни, все прекратят ныть – не только Софи, но и все вокруг. – Что же, давай.

Она возбужденно хлопает в ладоши и убегает на кухню, чтобы прибраться.

Я поняла. Я поняла, почему Софи до ужаса хочется, чтобы я с кем-нибудь познакомилась. Она считает, что без партнера я неполноценная и что высшее счастье заключается в том, чтобы у тебя были муж и ребенок. Точно так же, как у нее. Общество внушило ей идиотские мечты. Но не только. Я отдаю себе отчет в том, что какой бы увлекательной ни была ее жизнь, у каждой из нас своя версия синдрома упущенной выгоды. Софи обеспокоена тем, что теряет то, что у нас было, пропускает наши веселые выходы в свет, боится расстаться с нашей прежней жизнью. Теперь Софи стала матерью и женой, новым человеком, и ей приходится думать о том, кто она и с ней ли я. И мне тоже нужно подумать об этом. Не осталась ли я в прошлом? Не променяет ли она меня на своих «новых подруг-мамочек», отчасти понимающих ее лучше, чем я? Я слегка напугана, потому что не знаю, соответствую ли я этой приличной жительнице пригорода, в которую она превращается рядом с Сиарой и Новым Райаном. И понимаю, что Софи было бы легче, если бы я пошла ей навстречу под руку с Кем-то. И я попробую, я хочу попробовать. Ведь это неплохо, верно? Может быть, я даже познакомлюсь с каким-нибудь замечательным парнем.

Когда мы заканчиваем уборку, время приближается к одиннадцати, и Софи просит меня остаться на ночь. Я думаю об ожидающей меня Грязной дыре и киваю, да, конечно.

К этому моменту я уже девять месяцев живу с двумя соседями в квартире, всем известной как Грязная дыра (ГД). Изнуряющая кутерьма в муниципальной квартире с двумя другими жильцами – Джошем Дэем и Джеммой Такой-то. Я, правда, не знаю ее фамилии, так как видела ее только один раз со спины. Джош говорит, что она развозит медицинские товары, работает в ночную смену, поэтому ее никогда не видно. Она просыпается, когда мы спим. Я даже не вполне уверена, что она существует. Я ломаю голову, строя конспиративные

теории: например, что в той комнате Джош прячет трупы своих бывших подружек, как Синяя борода, живущий в муниципальной квартире. Может быть, это его секретная башня, как у сексуального маньяка Кристиана Грея[18 - Кристиан Грей – персонаж книги Э. Л. Джеймс 50 оттенков серого и др.], где он хранит свои зажимы для сосков. Или же он делает там порноснимки? Честно говоря, этот парень способен на все. Или, возможно, я способна на все – может быть, Джемма, как в Играх разума[19 - Игры разума – фильм Рона Ховарда по одноименной книге С. Назар.], плод моего воображения.

С другой стороны, мне не верится, что только мы с Джошем несем ответственность за всю грязь в сливном отверстии душа. Значит, она реальна. Так или иначе, я ненавижу ее. Я ненавижу это место все целиком.

Я живу там временно. Вре. Мен. Но. Я постоянно повторяю это про себя, поэтому не слишком впадаю в депрессию из-за разъедающей кухню ржавчины, раковины, наполненной грязной посудой, или ванной комнаты, пахнущей так, как она пахнет, сколько бы бутылок «Domestos» я ни выливала в унитаз. Я ненавижу тесноту и темноту в квартире, ненавижу декор кресел у телевизора и ненавижу изношенное ковровое покрытие. Я ненавижу распространяющуюся по потолку гостинной черную плесень, которую хозяин изобретательно хотел выдать за «дизайнерские обои». Я ненавижу спертый, влажный запах, преследующий меня. Я ненавижу, как он пристаёт к моему телу и волосам, словно дешевый шампунь. Каждый день, приходя домой, я вставляю ключ в дерьмовую замочную скважину и открываю раздолбанную дверь, понимая, что это чудо – прожить еще одни сутки без ограбления (но, когда ты живешь на одной лестничной площадке с наркодилером, воры обходят тебя за километр). Меня это мучит, но я знаю, что виновата сама.

Мы прожили три недели в нашей собственной славной, великолепной квартире – той, из-за ипотечного кредита на которую мы почему-то препирались, – когда я порвала с Тимом. И конечно, поскольку это было только мое решение, я оказалась той, которая добровольно съехала. Мой отец жил не очень далеко, поэтому я остановилась у него. Но всего через пару месяцев я больше не смогла выносить ежедневного мурлыканья мелодии из сериала Соседи и переехала в квартиру, которая была мне по средствам – в Грязную дыру. Я заметила ее на сайте SpareRoom, где предлагают снять жилье с соседями, понимаю, что следовало бы посмотреть и другие места, но она была такой дешевой. Я была разбита, но у меня подскочил адреналин, когда дверь открылась и я увидела Джоша. Джош сексапилен – не меньше, чем Полдарк[20 - Полдарк – герой

многосерийной исторической мелодрамы Полдарк.], – поэтому я сказала, что занимаю комнату, еще раньше, чем увидела щербатый коридор. Мне понадобилась неделя, чтобы понять, что за сексапильностью Джоша скрывается самовлюбленный болван. Неуживчивый, с резкими переменами настроения, его дверь, не успев закрыться, открывалась снова, впуская очередную темпераментную блондинку, словно он – Леонардо ди Козлио. Он – абсолютно честолюбивый хипстер, явно мечтающий о том, чтобы когда-нибудь дорасти до самых роскошных районов Восточного Лондона, где ему больше не придется скрывать свою чертову жалкую бороденку и где он сможет с упоением носить кашне.

Но все-таки он такой сексапильный.

Я ненавижу себя за то, что он мне нравится.

Разумеется, я не предпринимаю никаких шагов.

Я не могу стать очередной девицей, которую он способен соблазнить.

И если бы, так или иначе, он захотел заняться со мной сексом, то я не блондинка и не худышка.

Но тем не менее.

Определенно у меня не будет с ним секса.

Но он такой сексапильный.

Ох! Мне хотелось бы, чтобы Джемма почаще находилась дома, или, говоря прямо, всегда, тогда я могла бы сидеть с Джошем в гостиной, не испытывая потребности пристегнуть влагалище наручниками.

Как бы то ни было, все это лишь временно. Тим собирается со дня на день выставить нашу квартиру на продажу, и, получив свою долю, я смогу найти что-нибудь получше, может быть, даже купить где-нибудь квартиру. Мне просто нужно продержаться. Мне нужно продержаться, а не заниматься сексом с Джошем. Не гадь там, где ешь – именно так говорят, не так ли? Правда, честно

говоря, если бы я гадила там, где ем, это только улучшило бы санитарную ситуацию в ГД. Мне нужно продержаться еще несколько месяцев, не превращая Грязную дыру в Труднопреодолимую Дыру.

Алан Найт <Alanknightinshiningarmour@BTInternet.co.uk>

Кому: Eleanor.knight@gmail.com, Jennifer.seevy@hotmail.com

21 февраля

Алан Найт

106 Касл-Райз

Джадфилд

Восточный Суссекс

TN22 5UN

Дорогие Элинор и Дженнифер!

Надеюсь, вы обе чувствуете себя прекрасно и вам понравилось начало моего романа?

Ленни, я с нетерпением жду тебя завтра. Спасибо за «обратную связь». Я знаю, что ты всего лишь шутишь, говоря, что я в последнее время «распоясался», но, пожалуйста, помни о том, что это роман и, следовательно, это художественное произведение.

Дженни, надеюсь, что с Эндрю и Милли все в порядке. Я очень люблю вас. Я также благодарю тебя за сообщение, но я не понял, что означает «ОТПИСКА».

Вот следующая часть. Думаю, получается очень увлекательно, и надеюсь, что вы со мной согласитесь. Вчера вечером я был в гостях у Кэндис и Питера, и Кэндис говорит, что ей мой роман показался очень талантливым, что, по-моему, очень любезно с ее стороны. Я также почитал кое-что своему психотерапевту, которая сказала, что очень довольна моими успехами. Думая, что благодаря этому я начинаю позитивнее смотреть на жизнь. Я решил не сообщать об этом медиуму Шэрон или тете Сюзи, боюсь, что они будут ругать меня за то, что я не посоветовался с ними, поэтому, прошу вас, в следующий раз, когда будете гадать по руке, не проболтайтесь.

Крепко целую вас обоих и очень горжусь вами.

С наилучшими пожеланиями,

Папа

75 ОТТЕНКОВ ТОНИ

Роман Алана Бернарда Найта

Когда на следующий день Тони приходит в Клуб книголюбов, он не представляет, что его жизнь вот-вот изменится НАВСЕГДА. Разумеется, Тони очень восприимчив, и он что-то предчувствовал, но не был уверен. Он пришел одетый по моде девяностых годов, в своем самом стильном, но очень удобном тренировочном костюме, который подчеркивал его икры, так что никто не оставил их без внимания. Перед этим у него чуть-чуть испортилось настроение, потому что душ на нижнем этаже его дома в настоящее время не работает благодаря некой агрессивной накипи, которую не отчистила Анита. Тони был очень разочарован тем, что Анита не сделала этого, и очень скоро написал ей

весьма сбивчивое письмо, красноречиво выразив свое разочарование, но потом решил быть выше этого, потому что Тони всегда выше этого. В любом случае Тони смог принять ванну, и у него еще не просохли волосы, что, и с этим все были согласны, очень, очень шло Тони. Влажные волосы подчеркивали его глубоко посаженные водянистые глаза, потому что там и там была вода. Так или иначе, кто бы ни посмотрел на него сейчас – люди ВСЕГДА разглядывают Тони, – он сравнил бы его внешность с обликом Джеймса Бонда в той сцене, где Джеймс Бонд выходит из океана с такими же влажными волосами. Хотя Тони имел значительно более серьезный вид, поскольку был старше и, несомненно, сильнее Джеймса Бонда.

Проходя по деревенскому клубу, он насчитывает десять женщин, членов Клуба книголюбов, в том числе Ванду, которая тоже здесь, ведь это она пригласила его. Тони слегка подавлен, так как все десять женщин смотрят на него и, кажется, находятся под впечатлением. Он еще даже не пытался произвести на них впечатление, но они, видимо, так или иначе, впечатлены и, несомненно, сравнивают Тони Брэкстона с Джеймсом Бондом или капитаном Джеймсом Т. Кирком[21 - Джеймс Т. Кирк – герой телесериала Звездный путь.]. Женщины толпятся вокруг него, задавая вопросы на предмет его недавнего возвращения к холостяцкой жизни, а также обращают много внимания на его икры – неудивительно!

– О, Тони, – говорит одна из очень привлекательных женщин, – от вас пахнет приятнее, чем от кого-либо. От вас веет корицей.

– Благодарю вас, мадам, – соблазнительным голосом говорит Тони, – вы ощущаете запах мыла для рук, которое Анита подарила мне на Рождество, я использовал его вместо шампуня, потому что не смог найти шампунь, и мне приятно, что вы заметили.

Затем они спрашивают его, что он думает о книге, и Тони понимает, что забыл спросить Ванду, какую книгу они обсуждают, но он очень начитанный мужчина, как он сам полагает. Они говорят, что это книга Стивена Кинга, и он объясняет, что, по сути, знает ее всю наизусть. На самом деле в университете он писал диссертацию на эту тему, хотя не должен был делать этого, и вообще он не учился в то время в университете, но тем не менее получил высший балл, и теперь она хранится в библиотеке как пример занимательных диссертаций.

Пока Тони поистине убедительно рассказывает, он оглядывает зал, поскольку он определенно способен делать несколько дел одновременно. Он смотрит поверх дамских голов, так как Тони выше ростом, чем все эти десять женщин – и выше еще одной, одиннадцатой женщины, стоящей в углу рядом с бисквитами. Она невероятно, невероятно привлекательна. Она выглядит точно так же, как молодая Хеллен Миррен[22 - Хеллен Миррен (1945) – английская актриса, лауреат премии «Оскар».], за исключением того, что она, наверное, в том же возрасте, что и Тони, то есть вполне уместно, что он находит ее весьма притягательной. Он и дама, похожая на Хеллен Миррен, стоящая в другом углу зала, пристально смотрят друг на друга, заполняя весь зал до самого потолка сексуальным влечением. Понятно, что они явно, явно приятны друг другу, и Тони испытывает незнакомые ему до сих пор чувства. Он нервничает! Тони никогда ни из-за чего не нервничал!!

Другие десять женщин разом стихают и смотрят на даму, похожую на Хеллен Миррен, и, без сомнения, все они ощущают сексуальное влечение, которое действительно распространилось по залу, хотя деревенский клуб довольно велик. Воцаряется долгое молчание, а потом Ванда предлагает всем присесть, чтобы продолжить разговор о книге. Заняв свое место, Тони ощущает чье-то присутствие прямо у себя за спиной и слышит приятный, сладострастный голос, он чуть скрипучий, но очень женственный.

– Простите, вы не против, если я сяду рядом с вами?

Это женщина, стоявшая в углу и похожая на Хеллен Миррен, и она спрашивает, можно ли ей сесть рядом с Тони. Она говорит с акцентом, и Тони думает, что она, вероятно, русская, ведь он много лет жил в России, да в других местах по всему свету. Тони очень много разъезжал, а также, как я уже говорил, был очень начитан.

– Конечно, – говорит Тони, поистине грациозно вскакивая и отодвигая для нее стул. – Позвольте, я возьму ваше пальто? – очень галантно предлагает он, хотя она без пальто.

– Нет, спасибо, – говорит она, потому что на ней нет пальто, но ясно, что его галантность произвела на нее впечатление.

– Меня зовут Светлана, – говорит она своим проникновенным, очень женственным голосом. – Вы можете называть меня Лана.

Потом она умолкает, а затем произносит своим поистине женственным голосом:

– Я знаю, кто вы. Вы – Тони, я слышала о вас.

Они проникновенно, так же проникновенно, как звучит ее голос, долго смотрят друг на друга.

Потом Ванда, которая, несомненно, слегка приревновала, ощутив сексуальное влечение сродни дурману, густому сексуальному дурману или же чему-то еще, имеющему отношение к сексуальной атмосфере в деревенском клубе, напоминает, что они начали говорить о книге, поскольку, разумеется, именно из-за нее они здесь собрались. В следующие несколько минут Тони не пытается произвести впечатление на Светлану, так как очень увлечен обсуждением, и производит на всех очень большое впечатление тем, что так много знает об этой книге, хотя до сегодняшнего дня даже не подозревал, о какой книге пойдет речь.

– Вы очень умны, – говорит одна из женщин, которая очень привлекательна, но, безусловно, не так, как Лана.

– Я так удивлена, что вы так много знаете о книге, хотя до сегодняшнего дня не подозревали, о какой книге пойдет речь, – говорит другая женщина, она также очень привлекательна, но опять же, подчеркну, не так привлекательна, как Светлана.

Когда Тони заканчивает читать для всей компании последние четыре главы, хотя никто не просил его об этом, он вдруг вспоминает о том, что рядом с ним сидит Лана, и смотрит на нее. Она внимательно глядит на него с невероятным возбуждением, судя по тому, как расширились ее зрачки, а это свидетельствует о сексуальном возбуждении, как говорила Анита, у которой на протяжении всего их брака двадцать четыре часа в сутки зрачки были расширены. Светлана приводит Тони в очень нервное состояние, и он предлагает всем сделать

перерыв, чтобы дамы могли припудрить носики. У него очень обостренная чувствительность. К счастью для Тони, он здесь единственный мужчина, поэтому может быстро попасть в туалет, тогда как все женщины выстраиваются в очередь в женскую уборную.

В туалете Тони не может удержаться от того, чтобы не посмотреть на свое бесспорно привлекательное отражение в зеркале. Тони очень скромнен, но исключительная скромность не портит очаровательной формы его эротического носа. Его непромокаемый тренировочный костюм почти блестит под тусклым светом, и Тони кивает, глядя на себя в зеркало, признавая, что очень удачно выбрал наряд. Когда он возвращается из туалета, вновь полный сил и уверенности в себе, Ланы нигде не видно, и все десять женщин толпятся вокруг него, как свежеприпудренные тетерки. Все они твердят, что беспокоились о нем, но он уверен, что все они ревнуют его.

– Светлана – опасная женщина, – говорит одна из них. – Вам нужно держаться подальше от Светланы!

Другая говорит:

– Она причинит вам боль, Тони, вам не нужно больше разговаривать с ней!

А потом еще одна:

– Тони, не хотите ли пойти в буфет внизу, чтобы обсудить это подробнее? – И подмигивает ему. Тони привык к этому и тоже, провоцируя, подмигивает ей, хотя отвечает на ее предложение вежливым отказом.

Затем соседка Ванда отводит Тони в сторону и предлагает бисквит, на что Тони отвечает согласием, потому что сегодня утром он перед тем, как принять ванну, целых десять минут занимался на степ-тренажере.

– Тони, – ласково говорит Ванда, – ты, должно быть, уже слышал об этом. Ты – очень привлекательный мужчина, Тони, и множество женщин, безусловно, без ума от тебя. Ты знаешь, что ты очень умный, очень мудрый, очень тонко

чувствующий мужчина, Тони, и ты сам должен принимать решения. Мы все здесь заметили, как вас со Светланой окутал густой сексуальный дурман, но все, о чем я прошу тебя, просто будь осторожен. Это все, о чем я прошу тебя, Тони, только будь осторожен.

– Кто она? – спрашивает Тони, всегда задающий поистине проницательные вопросы.

– Ее зовут Светлана, – любезно отвечает Ванда. – Я думаю, что она из России.

Тони прав.

– Кроме того, она довольна загадочна, – говорит Ванда. – У нее своя компания, и она очень, очень, очень богата. У нее есть вертолет, а также огромный особняк на краю деревни. Я думаю, что могу рассказать об этом такому человеку, как ты, Тони, но, прошу тебя, будь осторожен. Мы все здесь, в Клубе книголюбов, членом которого ты теперь являешься, печемся о тебе и не хотим, чтобы тебе причинили боль.

Тони заинтригован, и как раз в тот момент, когда он берет второй кусок бисквита, что нормально, поскольку сегодня утром он два часа занимался на степ-тренажере и смотрел программу Выгодная сделка, он ощущает чье-то присутствие и чувствует, что кто-то сексуально дышит ему в шею.

Это Светлана!

– Привет, Тони, – говорит она.

Тони не знает, что сказать, потому что она так действует на него, что он роняет бисквит, а потом спотыкается, так как сексуальный дурман завлакивает его.

Светлана улыбается, потому что его неуклюжесть говорит о том, что ничто человеческое ему не чуждо, и начинает поглаживать его руку.

– Тони, – надув губы, говорит она, – прости меня за мое таинственное исчезновение, я хотела пописать, но там была такая длинная очередь в дамский туалет. Как бы то ни было, я пришла к тебе за помощью. Я знаю, что ты всегда

работал в «ВТ», да? Прошу тебя, зайди ко мне завтра и помоги починить городской телефон. Он почему-то сломался.

Тони польщен, что Лана так много знает о нем и хочет доверить ему такую важную работу. Но он также достаточно мужественен для того, чтобы признать, что слегка побаивается эту восхитительную женщину. Все говорили, чтобы он держался подальше от этой опасной и очень богатой женщины, хотя он не понимает почему. У него удивительная интуиция, и его интуиция говорит ему: «Будь осторожен, Тони!!!» Он в смятении и не может решить, соглашаться или нет. В конце концов, он только что расстался с Анитой и надеялся, что потратит это время на то, чтобы заняться собой и с помощью степ-тренажера приобрести еще более привлекательную фигуру, поэтому сегодня утром он два часа провел на тренажере, а затем еще поработал в саду, несмотря на то, что его сад уже получил премию как самый ухоженный. Тони и вправду нравятся аккуратно подстриженные кусты! Еще его беспокоит то, что Лана не похожа на женщину, которой понравится готовить запеченные овощи с орехами и цыпленка, чего ему хотелось бы от будущей жены. Но он не может отрицать, что сейчас испытывает очень, очень сильные чувства к Лане. Чувства, которые овладели им мгновенно, как только он увидел ее в углу деревенского клуба. Она – как огромный магнит вроде тех, что используют на складах металлолома, цепляя старые драндулеты. Он, подобно автомобилю, не в силах удержаться, чтобы не придвинуться ближе к Лане и не прошептать ей на ухо голосом, полным соблазна:

– Да! Я приду к тебе завтра. – Она улыбается, засовывая в его карман свой телефонный номер, а потом уходит. Стоя в дверях деревенского клуба, она оборачивается и говорит: – Ну так до завтра, Тони-благоухающий-корицей.

Тони не может отмахнуться от мысли о машине и магните, той метафоры, которая пришла ему в голову минуту назад, сейчас его сомнут в маленький кубик или, возможно, пустят на запчасти.

Может быть, ему нравится такая перспектива... а может быть, и нет... или же, МОЖЕТ БЫТЬ, ДА...

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Ленни и Дженни! Этот опять папа. Я, правда, надеюсь, что вам понравилась последняя глава. Я знаю, что оставил вас в состоянии тревожного ожидания, но я прочитал статью, где написано, что это необходимо для драматического эффекта. Однако я не хочу, чтобы вы волновались, поскольку я УЖЕ работаю над следующей частью. Я скоро свяжусь с вами, поэтому не отчаивайтесь! Целую вас обоих.

4

12.34, суббота 22 февраля

Местоположение: На скамейке в Уорнер-парке, представляющем собой огромное зеленое пространство с жалкими качелями и каруселями, которыми никто никогда не пользуется. Мы сидим в окружении голубей и голубиного помета, потому что рядом гуляет идиот, который кормит их, хотя повсюду висят таблички с запретом кормить голубей. Ах, люди.

У моих ног гуляет птица. Ей наплевать, абсолютно наплевать, что я больше и сильнее ее, и на то, что я в злости могу раздавить ее своим кулаком.

Я этого не делаю – я с визгом бегаю кругами.

Папа смеется и отгоняет птицу прочь. Это происходит всякий раз, когда мы приходим сюда, и я всякий раз жалуюсь, но мы продолжаем бывать здесь почти каждую неделю. Папе нравится это место. Он приводит сюда Лили, своего йоркширского терьера, папа сидит среди голубей и болтает со своими приятелями-пенсионерами. Все местные жители любят Уорнер-парк, и каждый год или почти каждый год соседи собираются вместе и организуют кампанию в его защиту. Они занимаются этим очень серьезно, пишут петицию, раздают листовки на железнодорожной станции и протестуют на улице у здания местного совета, скандируя «Спасите наш ближайший парк». Обычно кампания имеет огромный успех, и совет делает что-то вроде официального заявления о том, что он «принял решение поддержать общину и защитить Уорнер-парк», что он никогда не был заинтересован в том, чтобы уничтожить его, и мэру нравится,

когда его фотографию печатают в местной газете. В любом случае все заканчивается тем, что соседи устраивают большое торжество у дома медиума Шэрон, и медиум Шэрон, в конце концов, напившись, указывает пальцем на ту или иную супружескую пару, предсказывая развод. А потом супруги разводятся, потому что никто не рискует пойти поперек медиума Шэрон.

На самом деле у меня сохранились свои нежные воспоминания об этом месте, большинством из которых я не делилась с папой. Он, например, не знает, что, когда мне было от тринадцати до семнадцати лет, я блевала в этом парке по крайней мере раз в неделю. И не знает, что здесь есть канава, где я и еще семь человек из нашего десятого класса прятались все вместе, лихорадочно пытаюсь избавиться от дешевого сидра в полной уверенности, что «шпики» и «легавые» пришли, чтобы арестовать нас и бросить в тюрьму. Папа не знает, что за финт я выкинула, когда Дэнни Аррингфорд попытался пощупать меня, я сказала ему, что не могу, потому что у меня нет влагища – я была искренне уверена, что у меня его нет. Наши школьные уроки полового воспитания были такими откровенными и подробными, что я, уставившись на страшную белую птицу, решила, что невозможно предположить, что вся эта ерунда находится у меня внутри. А потом, когда Дэнни, ласково уговаривая меня, сказал, что никому не расскажет о том, что у меня нет влагища, я всем рассказала о том, что он фригиден, и у него крохотный пенис. Думаю, Дэнни сейчас бездомный.

За эти годы многое изменилось. Не в смысле того, как это выглядит – на самом деле, все буквально то же – вплоть до последней травинки благодаря слишком заботливому микроуправлению медиума Шэрон, назначившей себя «главным ландшафтным дизайнером», – но все изменилось для меня. Парк перестал быть местом для веселья, унылой участи не-совсем-впустую-растраченной молодости и стал местом, где я спасаюсь от сложностей взрослой жизни. Я прихожу сюда, чтобы подумать и поразмышлять о своем дурацком существовании. Здесь я искала одиночества после разборок с Джен. Сюда я приходила, чтобы укрыться от доброжелательных, но надоедливых вопросов папы после разрыва с Тимом. Я приходила сюда, чтобы посидеть и оплакать свою маму.

Я люблю этот парк, но это не все нежные воспоминания.

Папа продолжает разговор.

– Я очень горжусь тобой, Ленни.

О боже, он так гордится мной. Он постоянно говорит об этом мне и Джен, с тех самых пор как стал ходить к психотерапевту, где научился говорить, как одухотворенный идиот, на языке, включающем такие фразы, как «продуманное осознанное родительство, способствующее чувству безопасности и близости». Теперь каждая его фраза начинается и заканчивается тем, что он гордится мной, несмотря на то что ему почти нечем гордиться. Я – его одинокая, почти тридцатилетняя дочь, которая едва терпит свою работу, арендует комнату в Грязной дыре, где напротив нее живет парень, которого она каждый день пытается уберечь от того, чтобы на него не упали ее (посеревшие) трусики.

Вероятно, о последнем он не подозревает, но все-таки.

– Я тоже горжусь тобой, папочка, – говорю я, поглаживая его руку в перчатке. Нужно же что-то говорить, не так ли?

– Я собирался кое о чем поговорить с тобой, ты не против?

Я выжидательно молчу. Когда кто-нибудь заранее предупреждает меня о том, что хочет о чем-то поговорить, я обычно отвечаю отказом. Как правило, это то, о чем тебе не хочется слышать, а то, что они спрашивают у тебя разрешения, означает, что, если тебе это не понравится, ты сама виновата. Я осторожно отвечаю:

– Трудно дать ответ, не зная, о чем ты хочешь поговорить. То есть есть такие вещи, о которых я предпочла бы не говорить с тобой.

Дэнни Аррингфорд.

Папа кивает и выглядит обеспокоенным. Не думаю, что это о Дэнни Аррингфорде.

– Ладно, папа, говори. Все нормально, – смирившись, отвечаю я. Безусловно, это не хуже, чем «75 оттенков Тони» – чтение плохо завуалированной попытки, вдохновленной Пятьюдесятью оттенками серого, вызвало у меня самые неприятные ощущения, которые я когда-либо испытывала. По крайней мере, на

этой неделе. Сидя на скамейке, он разворачивается ко мне, плюхаясь ногой в свежую кляксу голубинового помета. Гадость. Я так заботливо избегала этого, а теперь все на его брюках. Кроме того, это его «выходные» брюки, бедный папа. Сказать ему? Он выглядит таким серьезным, я решаю, что лучше не говорить. Он откашливается.

– Ленни, ты знаешь, что я был одинок с тех пор, как твоя мама... ну, с тех пор, как твоя мама...

(Мама оставила нас.)

(Ладно, чтобы быть честным по отношению к ней, умерла.)

– ... с тех пор, как твоей мамы не стало. – Он с тревогой смотрит на меня, а я смотрю в землю отсутствующим взглядом. Он продолжает. – И в последнее время я много думал, каким могло быть мое будущее. Жакетта (его психотерапевт) посоветовала мне обсудить с тобой вопрос о том, что я, может быть, начну встречаться с кем-нибудь. – Внезапно он начинает говорить быстрее: – Просто я подумал, может быть, мне попытаться? Попытаться познакомиться с кем-нибудь. Попытаться назначить свидание. Безусловно, я не думаю о том, что кто-кто заменит вашу маму, и вы не обязаны называть ее мамой или мамочкой. То есть, если вы не захотите...

КАКОГО ХРЕНА? Ооооох. Черт, этого я не ожидала.

Он продолжает говорить так же быстро.

– Вчера я ужинал с Кэндис и Питером, они такие милые, он так нежен с ней, и Кэндис все время повторяет: «Алан, ты должен вернуться к жизни!»

На секунду он кажется задумчивым.

– Мне кажется, я должен вернуться к жизни, Ленни.

Вернуться к жизни? Куда? Он не выбирается дальше супермаркета «Waitrose» на железнодорожной станции, куда еженедельно ходит «за большими покупками». Что, черт побери, это значит, и кто говорит ему подобные вещи? Я совсем не

знакомы с Кэндис и Питером. Они переехали в дом по соседству в прошлом году, сразу после маминой смерти, и я слышала о них от папы, а также находила на его кухне кучу ужасных пирогов. И сейчас по возвращении домой нас ожидают похожие на плесень банан и хлеб из кабачков. Я даже не знаю этих людей, и вдруг они вмешиваются в нашу жизнь. Говорят папе, что ему нужно «вернуться к жизни», словно он – персонаж бездарной дурацкой книжки. Мне кажется, что надвигается гроза, и мне прямо сейчас хочется поскандалить с Кэндис. Кто она такая, чтобы говорить подобные вещи моему отцу? Говорить, чтобы он вернулся к жизни? Папе больше никто не нужен. Я присматриваю за ним, разве не так? Я делаю для него все. Выслушиваю его жалобы о том, что растения растут не так, как должны были бы расти, ежедневно звоню ему, каждую неделю приезжаю. Я даю ему все, в чем он нуждается. За исключением очевидного – я не сплю с ним. Но разумеется, ему не нужен секс, потому что это отвратительно. Господи Иисусе, если бы мне в шестидесятилетнем возрасте все еще хотелось заниматься сексом, я покончила бы жизнь самоубийством. Неудивительно, что мама предпочла умереть, раз папа настаивал на том, чтобы она занималась с ним сексом.

Ясно, что я ничего не отвечаю. Только медленно киваю.

Он смотрит на меня, как побитый щенок, ожидая, что я что-нибудь скажу.

– Ладно, я поняла, – произношу я, хотя не поняла и никогда не пойму.

Он продолжает.

– Кэндис говорит, что я могу назначить свидание по Интернету или сходить в клуб одиноких сердец. Как ты думаешь, Ленни? Прошло тридцать пять лет с тех пор, как я был холостяком. Я представления не имею, как это делается.

Я тоже.

– Ты поможешь мне, Ленни?

Он явно страдает, и ему стыдно.

Я вздыхаю.

– Конечно, помогу, папа. Но может быть, немного преждевременно обращаться в клуб одиноких сердец?

Кажется, он испытывает облегчение.

– Да, да, я думал, что это не подойдет. Но как же теперь люди знакомятся? Твоя бабушка устроила мою свадьбу, потому что твоя мама была «приличной» и это был единственной критерий.

Мама не была приличной, это чушь.

Хмм. Как донести до папы, что люди теперь не общаются в реальной жизни и что больше нет приличных людей? Что даже знакомство через сайт в наши дни кажется чем-то ностальгическим. Я определенно не стану устанавливать папе приложение для знакомств...

Он выжидающе смотрит на меня.

– Ну... – начинаю я. – Раньше обычно ходили в бар и завязывали с кем-нибудь разговор, но теперь это практически музейная редкость.

Папа выпрямляет спину.

– Мы можем пойти в бар? – возбужденно спрашивает он дрожащим голосом. – Мы можем пойти в коктейль-бар? – тут же шепчет он.

Мысленно я рисую картинку, на которой мой полный папа пытается взобраться на табурет.

Никак невозможно.

– О, хм...

– Прошу тебя, Ленни. Пожалуйста, можем мы пойти в коктейль-бар? Я за всю жизнь там ни разу не был, но иногда об этом говорят в Соседях, и мне кажется, там очень здорово. Пожалуйста! Пойдем на мой день рождения?

Нет. Возможно. Через пару недель у папы шестидесятилетие, а я ничего не запланировала. Я все спрашиваю Джен, вернется ли она к этому времени домой из Лос-Анджелеса, а она все говорит мне, что я должна жить полной жизнью.

Папа снова смотрит на меня, он практически трясется от возбуждения.

Хорошо. Я принимаю решение.

– Да, конечно, пойдём, папа! – Я встаю, указывая пальцем в небо, и разгоняю стайку голубей, которые громко кричат в знак протеста. – Конечно, мы можем пойти в коктейль-бар, и я помогу тебе найти подружку и буду очень рада этому. Рада.

Он тоже встает, повторяя мою триумфальную позу.

– О, спасибо тебе, Ленни! Я взволнован! Теперь пойдём домой и посмотрим одну из моих мыльных опер. Не беспокойся, они у меня записаны.

Он снова садится и берет свою сумку.

– Подержи, только сначала я покормлю голубей.

Вернувшись домой к папе, мы сидим на диване и ждем видеозвонок от Джен. Для папы это самый любимый момент моего визита. Он очень любит Джен и свою внучку Милли, но на самом деле не это его так волнует. Его волнует видеозвонок. Он наслаждается новизной. Он не может сдержать радости, видя крошечное личико на крошечном экране. Целый час после звонка он будет говорить о своих переживаниях и о том, как это умно. Раздается звонок, и появляется личико Милли. Она кричит от ужаса при виде папиного лица, которое слишком близко, волосы, торчащие из его носа, почти касаются экрана. Не забыть потом протереть телефон.

Милли шесть лет (скоро семь, обычно говорит она мне) (через полгода), и если Сиара, дочка Софи – самый послушный ребенок в мире, то Милли – самый непослушный. Она еще только в первом классе, но уже постоянно бедокурит в школе. Она – невероятная спорщица и повсюду проявляет свой вспыльчивый

нрав. Больше всего она любит покричать в супермаркете «Whole Foods», поскольку проходы там довольно широкие для того, чтобы помахать кулаками, а акустика вполне пригодна для того, чтобы повизжать. Нужно, чтобы ее было слышно от овощного отдела до отдела спиртного, иначе истерика пропадет понапрасну.

Она ужасна, но она самый веселый и сообразительный ребенок из всех, кого я когда-либо встречала. На самом деле она входит в первую пятерку моих любимых людей на всей планете (Долли Партон[23 - Долли Партон (1946) - американская певица кантри, автор песен и актриса.] занимает четвертое место) (Папа обошел ее в тот день, когда написал песню не хуже «Djolene»[24 - «Djolene» - песня Долли Партон.])

Папа отодвигается чуть дальше от телефона, широко улыбаясь внучке. Она не обращает на него внимания.

- Элли! - счастливо восклицает она, хватая руками экран. Милли считает меня суперклассной. Когда она была совсем маленькой и не умела правильно выговаривать все слова, она думала, что у нас одинаковые имена, и постоянно сообщала мне о том, что мы близнецы. Когда я замечала, что я старше, она нежно смеялась, гладила меня, как будто я - идиотка, и объясняла сладким голосом, что, конечно, это не так. Что, вероятно, близко к правде.

- Привет! - одновременно и неуклюже выкрикиваем мы с папой.

- Как дела, малышка? - добавляет он. Она опять не обращает на него внимания.

- Элли, мне нужно поговорить с тобой, - перебивает она и многозначительно смотрит на дедушку до тех пор, пока тот, кряхтя, как старик, не поднимается с дивана.

- Пойду, налью чашку чая, - кротко говорит он.

Когда он уходит, я снова поворачиваюсь к ней.

- У тебя все в порядке? Что происходит? - Я лишь слегка обеспокоена, у Милли часто случаются серьезные кризисы, которые она подробно обсуждает со мной.

Последний раз это было связано с обучением плаванию и, по всей вероятности, с крокодилом, появившемся в школьном бассейне.

Она, в точности как подросток, потряхивает светлыми волосами.

– Мне нужно спросить тебя о месячных, – театральным шепотом выговаривает она последнее слово.

– О? – произношу я, стараясь не реагировать.

Да, это хуже, чем я думала. Сначала папа хочет пойти на свидание, а теперь моя шестилетняя племянница хочет обсудить женские дела. Денек сегодня выдался просто восхитительный, и у меня в жизни действительно все прекрасно.

Милли украдкой оглядывается. Никаких признаков мамы.

– Конни говорит, что у меня, когда я подрасту, будут месячные, и это ужасно противно, и нет ничего хуже, чем быть девчонкой.

– Кто это, Конни?

Она проявляет нетерпение.

– Моя лучшая подруга. Она учится в третьем классе. Она говорит, что у девочек есть месячные, а у мальчиков – тракторы.

– Это сексизм, – машинально говорю я, не зная, так ли это. В мире повсюду сексизм, разве нет? Если сомневаешься, разозлись и закричи, таков мой девиз.

Она игнорирует мой комментарий, поскольку прежде с ней никто не говорил о сексизме. Она говорит, что находит это «скучным», потому что все мальчишки в ее классе – «слабоумные», и нет никаких шансов, чтобы их отобрали в астронавты раньше, чем ее.

– Ну? – Она раздражена. – Что такое месячные? Скажи мне и лучше не ври, Элли, потому что я все равно узнаю.

Я на секунду задумываюсь. Как лучше ответить? Я должна просто быть честной, ведь так? Демистифицировать? Потому что месячные приходят ко всем, и не следует испытывать к ним отвращение или бояться их. Правда, мне почти тридцать, а я по-прежнему испытываю к ним легкое отвращение и боюсь их. Сексизм, понимаете? (Стойте, так ли это?)

– Хорошо, Милли, но это не будет происходить с тобой постоянно, – осторожно начинаю я, моля о том, чтобы показалась Джен и спасла меня раньше, чем у меня отслоится матка. Но, когда ты станешь женщиной (– ударьте меня по лицу, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста —), то это будет происходить раз в месяц, у тебя установится, э-э-э, менструальный цикл.

– Хмммммм, – возмущенно прерывает она меня. – Извини, если это происходит только с девочками, то почему менс-триллликл?

– Менструальный цикл, – поправляю я ее. – Впрочем, это хороший вопрос. И вполне в духе первых лет феминистского движения.

Довольная собой, она кивает, ожидая продолжения.

– Хм. Итак, менструальный цикл означает, что у тебя... уф, из пи-пи каждый месяц будет вытекать немного крови.

Мне не следовало произносить последних слов. Нужно было напустить тумана. Она выглядит до ужаса напуганной.

– Но я ненавижу кровь! – говорит она дрожащими губами. – Я не хочу, чтобы это происходило. И почему это будет вытекать из этой дырочки? Я писаю оттуда! Я не хочу писать с кровью.

– Я знаю, – успокаивающе говорю я. – Это довольно хе... оскорбительно. Но не так ужасно, стоит только привыкнуть к...

Она опять прерывает меня.

– Постой, каждый месяц? Каждый божий месяц? Даже в летние каникулы? Даже если ты в Диснейленде? Что, если я встречу Микки Мауса, а у меня из пи-пи

потечет кровь прямо на него? Каждый месяц?

– Ну да, – говорю я, пытаюсь представить, что станет с Микки – в любом случае он носит красные шорты. – Но некоторые женщины принимают пилюли (– нет, не говори этого, зачем ты говоришь это? –), чтобы остановить месячные на время отпуска или во время свадьбы, когда подруга просит тебя надеть облегающее платье, даже если не найдется ни одного человека, который считал бы, что ты красиво в нем смотришься.

Она испытывает облегчение.

– Ох, это здорово. Просто я только что приняла пилюлю, и теперь у меня никогда не будет месячных.

Разумеется, именно в этот момент в гостиную входит Джен и замечает нас. Милли поворачивается и визжит:

– Мам, ты должна дать мне пилюлю.

О, черт возьми.

Джен, кажется, шокирована.

– БОГА РАДИ, – кричит она. – Не зови меня «мам», ты – британка. Не знаю, что с тобой делать. Мы пробыли здесь всего год, а у тебя уже адский акцент. Скоро ты скажешь, что тебе больше не нравится стоять в очереди.

Несколько секунд они сверкают глазами друг на друга, а потом Милли бросает телефон и вразвалочку выходит из комнаты. Я полминуты разглядываю нарядную гостиную, прежде чем на меня надвигается лицо Джен. Она холодно оглядывает меня.

– Так она спрашивала тебя о месячных? Я убью эту маленькую сучку Конни.

Из кухни доносится неуверенный голос папы:

– Вы закончили болтать? – Он просовывает голову в комнату, после чего вносит в нее остальные части своего тела. Он держит в руке печенье с ванильным кремом и выглядит слегка побитым.

– Ты слышал? – сочувственно спрашиваю я его, и он печально кивает, снова садясь на диван. Я вручаю ему телефон, а он наклоняется к камере, так что Джен виден только его глаз.

– Привет, Дженни, отлично выглядишь, – говорит он.

– Я знаю, – самодовольно кивает Дженни. – Я болела целую неделю, поэтому похудела на четыре фунта. Я выгляжу замечательно.

– О, ну тогда прекрасно. Я рад, что тебе лучше, – неуверенно произносит папа.

– Я выгляжу стройнее, правда? – спрашивает она меня, и я с готовностью киваю.

– Да, Джен, ты на самом деле выглядишь очень хрупкой. Можно подумать, что тебе остался один шаг до смерти.

Она улыбается, она довольна.

Джен нравится быть худой. Это она любит больше всего остального – больше, чем свою семью. Для таких, как она, переехать в Лос-Анджелес – все равно что вернуться к себе домой. Наконец-то она может целыми днями говорить о деньгах. Там даже официанты желают говорить о деньгах. Я еще не была у нее в гостях, потому что равнодушна к деньгам, но она говорит, что ей нравится место, где они живут, и ей совсем не хочется возвращаться обратно. Надеюсь, что это неправда. Я на самом деле скупаю по ней.

– Как твой супруг, Джен? – говорю я, чтобы сменить тему. Папа смотрит на меня, он обеспокоен тем, что я могу сказать Джен что-нибудь досадное. Он знает, что я не в восторге от Эндрю, мужа Джен. Он немного скучен и холоден. Мама тоже его не любила, но мы все знаем, что с Джен нелегко, и поскольку он по-прежнему делает ее счастливой, то мы притворяемся. Не то чтобы мы постоянно сталкивались с ним, но даже на редких семейных торжествах, на которые мы собирались все вместе, он никогда не отключал телефон или же внимательно

смотрел в окно, делая вид, что созерцает пейзаж и поэтому не обязан разговаривать с нами. По правде сказать, в последний раз я видела его на маминых похоронах. Это был тяжелый день. Но после нескольких часов пустых соболезнований и поклонов я впервые оценила, что Эндрю даже не попытался заговорить со мной.

Джен пожимает плечами.

– У него все прекрасно, – говорит она. – На самом деле он очень увлечен работой, поэтому мы, видимо, нес скоро сможем вернуться в Англию. Я определенно не смогу отпраздновать с тобой твой день рождения, папа.

Он машет ей рукой и качает головой, словно говоря «не беспокойся», но я-то вижу, что он разочарован. Джен умолкает и смотрит на нас, переводя взгляд с папы на меня. Я жду ее слов о том, что ей жаль пропустить это событие и что она скучает.

Вместо этого она говорит:

– Я вижу, что вы по-прежнему одиноки и набрали вес.

Мы с папой опускаем глаза на наши животы, а потом начинаем хохотать. Джен жестока, но мне плевать на то, что по ее стандартам я – толстая.

Большую часть своей жизни я покорно ненавидела себя и свое тело, как, по моему, и положено делать женщине. Я – как бы это сказать поизящнее – чуть-чуть неотесанная. Не слишком, у меня все-таки человеческие формы, но я никогда не была худой. Долгие годы я постоянно рыдала, глядя на себя в зеркало, напевая про себя песни Мэрайи Кэри[25 - Мэрайя Кэри (1970) – американская певица, актриса, автор песен.] и мечтая о волшебной липосакции. Или по меньшей мере о волшебных деньгах, чтобы оплатить реальную липосакцию. Растить рядом со стройной и красивой старшей сестрой было слегка обременительно, чем я всегда объясняла огромное недовольство собой. Но все изменила мама – ее смерть. Однажды, вскоре после ее смерти, я рылась на чердаке (о чем тебя никто не предупреждает после смерти одного из родителей, так это о том, что ты становишься владельцем скопившегося хлама из своего детства, оставшегося в родительском доме, потому что он тебе совсем не нужен, но в то же время ты не хочешь его выбрасывать. «Вещи с чердака»[26 -

Вероятно, намек на песню и одноименный альбом Патрика Лэнга «Attic Things» (2015).]). Как бы то ни было, я нашла свой подростковый дневник, и он был ужасен. Целые страницы ненависти к себе. Понимая, что в последние пятнадцать лет я произношу те же самые слова, глядя на свое отражение в зеркале, я с трудом призналась себе, что больше не хочу этого делать. Я не хочу провести следующие пятнадцать лет, называя себя такими словами, каких никогда не употребляла в разговоре с подругами. Я не хотела в старости, оглядываясь назад, думать о том, что всю жизнь ненавидела себя. Мне показалось это очень печальным. Поэтому вместо того чтобы приступить к очередной диете, я прекратила взвешиваться и подписалась на группу позитивного отношения к своему телу в Instagram. Постепенно я осознала, что полные женщины – СЕКСАПИЛЬНЫ. И худые тоже. И что все мы хотим того, чего не имеем. Худышка хочет быть более фигуристой, толстушка хочет быть менее фигуристой – все мы запрограммированы на то, чтобы испытывать недовольство собой. Но можно перепрограммировать себя, я знаю, можно. Именно этим я и попыталась заняться, переключить свой мозг и перезапустить мышление, поэтому всякий раз, когда я случайно перевожу камеру своего телефона в режим селфи и мне хочется завопить при виде своего дурацкого лица, я сразу же прекращаю это издевательство.

Понятно, что я еще в процессе работы над собой, ведь я – человек, который любит поплакать, глядя на себя в зеркало и напевая песни Мэрайи, но чаще всего я добиваюсь успеха. К тому же, знаете, что я поняла? Мужчины, как и прежде, не против заняться со мной сексом. Даже если они чуть чаще, чем я предпочла бы, многозначительно говорят: «У тебя такое милое личико» и «Меня никогда не привлекали худые женщины». Так и хочется сказать: «Чувак, ты не должен критиковать других женщин для того, чтобы повисить мою самооценку!» (Ладно, может быть, это чуть-чуть помогает.)

Джен цыкает на нас, а мы смеемся.

– И вы до сих пор явно не позаботились о том, чтобы исправить положение, – добавляет она.

Я качаю головой и меняю тему разговора.

– С Милли все в порядке? Кажется, она не так упряма, как обычно.

Джен кивает.

– Да, сейчас она на стадии полупослушания. Это странно. Школьная учительница сказала мне, что в этом полугодии она даже никого не задирала.

– Очень странно.

Папа откашливается. О да, он вновь собирается произнести речь. Он поджидал момент. Я отодвигаюсь назад, чтобы понаблюдать за происходящим.

– Гм, – начинает он. – Я очень горжусь тобой, Дженни, и собирался поговорить с тобой кое о чем, ты не против?

Она закатывает глаза.

– Я обязана это выслушивать? На самом деле у меня нет на это времени. Постой, ты хочешь рассказать мне о том, что испачкал брюки голубиным пометом?

Я морщусь, но папа, кажется, не замечает этого. Он продолжает:

– Дженни, ты знаешь, что я один с тех пор... с тех пор, как твоя мама покинула нас.

– Нет, мне это неизвестно, – с негодованием говорит она. – Мне никто ничего не говорил. Элли, почему ты не заботишься о папе?

Я встаю с дивана.

– Это и твой папа, Джен, а ты сейчас живешь в Калифорнии.

Папа шикает на нас. Его не остановить.

– И я в последнее время много думал. Я хотел поговорить с тобой о том, что я, возможно, начну снова с кем-нибудь встречаться. Это только предположение, может быть, я попробую. Попробую с кем-нибудь познакомиться. Безусловно, я не хочу, чтобы эта женщина заменила вам мать, и вам не придется называть ее

«мама». Если только вы сами не захотите...

Господи Иисусе, почти слово в слово. Даже интонация та же самая. Наверное, он репетировал несколько недель.

– Вчера вечером я ужинал с Кэндис и Питером – они такие славные, он так нежен с ней, – и Кэндис все время повторяет: «Ты должен вернуться к жизни». Мне нужно вернуться к жизни, Дженни.

Джен выглядит адски скучающей.

– Делай что хочешь, – говорит она, разглядывая свои ногти. Потом она смотрит на нас. – Честно говоря, лучше бы ты нашел кого-нибудь, чтобы избавить Элли от присмотра за тобой в случае, если с тобой случится удар и ты до конца дней будешь прикован к инвалидной коляске.

Папа с облегчением вздыхает.

– Нет-нет, от тебя ничего не требуется, – говорит он, возбужденно добавляя: – Ленни собирается отвести меня в коктейль-бар!

– Что она собирается? – фыркает Джен. – Удачи тебе, Элли. Рада, что ты, наконец, нашла друга, с которым можно повеселиться.

– Да, да, будет очень весело, – говорю я, поглядывая на часы, скоро три. У меня остался всего час или около того, чтобы вернуться в Лондон. – Мне пора, у меня свидание.

Папа, кажется, паникует.

– Днем?

Я киваю.

– Да, мы просто выпьем кофе.

– У тебя благоприятный день? – презрительно фыркает Джен. Она обещала мне ничего больше не говорить об инциденте с Адвокатом по налоговым делам, но не стоит ждать от моей сестры, чтобы она полностью выполняла свои обещания.

– Да, Джен, спасибо, Джен, пока, Джен, – говорю я, вставая.

– Милли, иди и попрощайся с Элли и дедушкой, – кричит Джен, хватая Милли, которая, заслоняя мать, хочет попасть в кадр.

– Элли, мама говорит, что ты вечно будешь одинокой, потому что у тебя слишком высокие запросы, – сообщает мне Милли.

Джен одобрительно кивает.

Я вздыхаю.

– В том, чтобы иметь высокие запросы, нет ничего постыдного, Милли, – поясняю я. – И мне нравится быть одной. Подумай, сколько у меня будет котов, когда я постарею. Ты ведь любишь котов, верно?

– Я предпочитаю лис, – задумчиво говорит Милли. – Одна из них напала на мальчишку из нашей школы.

– Чудесно. Он...

– Ладно, пока.

Она отключается.

Папа с улыбкой поворачивается ко мне.

– Она стала такой милой девочкой, правда?

К тому моменту, когда папа расстается со мной на станции, обнимая и засовывая в мою сумку пятифунтовую купюру, я понимаю, что опаздываю на свидание.

– Не трать все на аренду, – тихо говорит папа, когда я сажусь в поезд. – Порадуй себя чем-нибудь. – Без проблем, я собираюсь порадовать себя банкой джин-тоника «G&T» из супермаркета «Marcs & Spencer».

Я сажусь рядом с мужчиной, который тяжело вздыхает, и, достав свой телефон, пишу «Адаму», чтобы извиниться за то, что на пятнадцать минут выбиваюсь из графика. Может быть, он принадлежит к тому типу людей, которые огорчаются, когда кто-то меняет планы за час до встречи? А я отношусь к тому типу людей, которые огорчаются, когда кто-то меняет планы? Я осознаю, что даже не знаю, чего жду от всего этого Tinder-инга. К какому типу отношусь я сама? Есть ли у меня тип? Я бросаю взгляд на телефон. Адам не ответил, значит, он огорчен. А я, пожалуй, огорчена тем, что он огорчен. Пожалуй, я уже ненавижу этого дерганого придурка.

Господи Иисусе, видимо, у мужчины рядом со мной больные легкие? Он так громко дышит!

Итак, вот что мне известно об Адаме. Ему 32 года, он красив и любит играть в сквош. Он был одним из первых «партнеров», которого я нашла в Tinder, благодаря всеохватывающему пролистыванию Софи и Томаса, и он в тот же вечер прислал мне грамотно написанное сообщение – в нем было написано «привет» вместо «эй». То есть, по существу, мои крайне завышенные запросы оправдались, нашелся человек, использующий чуть более длинные слова приветствия, чем остальные. Мы обменялись несколькими сообщениями, и мне показалось, что у него есть намек на чувство юмора. Хотя он почти сразу же предложил выпить кофе, объяснив, что придерживается того принципа, что свидание нужно назначать как можно быстрее, «какой смысл тратить время на болтовню». Ясно, что не поймешь, интересен тебе человек или нет, пока не «встретишься с ним лицом к лицу в реальной жизни». Думаю, ему интереснее увидеть мою задницу, а не лицо, ну ладно. У меня создалось впечатление, что он – сезонный любитель Tinder, методично прокладывающий себе путь сквозь страну одиноких женщин, и мне почти нравится его оперативность, вот и все.

На самом деле я чувствую себя совершенно спокойной – нужно же с чего-то начинать – и, возможно, все пройдет отлично. Единственное, чем я слегка озабочена, – это приглашением на кофе. Кофе. Не вино. Трезвое свидание вслепую. Я впервые встречаюсь с незнакомцем – с которым в теории я должна флиртовать, – и мы не будем пить вино. Хмм. Я жалею о том, что не купила на станции банку «G&T», но, мне кажется, несколько неприлично пить одной в общественном месте. Особенно когда мужчине, сидящему рядом со мной, с минуты на минуту может понадобиться реанимация.

Я неловко достаю макияж и начинаю накладывать его, думая о том, как получше начать беседу. Я собираюсь на свидание, я должна показаться светской и умной. Безусловно, я хочу выглядеть образованной, но и чуть-чуть поверхностной, той, которую можно трахнуть. Что вы думаете о глобальном потеплении, вы читали последнюю статью Кэйтлин Моран[27 - Кэйтлин Моран (1975) – британская журналистка, писательница-феминистка.] в The Times, какой ресторан в Сохо вам нравится больше всего, вы нарежете кабачки спиралью, сэр?

Может быть, мне следовало это записать?

Или взять с собой на свидание шпаргалки? Стану известна как девушка со шпаргалками.

Я вижу, что сказочный дракон, сидящий рядом со мной, выпучил глаза, наблюдая за тем, как я крашу губы. Волной тяжелого, разгневанного дыхания до меня доносится его неодобрение. Я, правда, не понимаю, почему все злятся на женщин, накладывающих макияж в транспорте. Такая злоба. Много раз, глядя в зеркальце, я встречалась взглядом с кипящим от негодования мужчиной средних лет, читающим Financial Times и свирепо поглядывающим на меня. Но чем макияж отличается от чтения газеты? Я отнюдь не покушаюсь на его личное пространство и ничем не оскорбляю его. Если бы я пудрилась или выпрыснула ядовитое облако дезодоранта, тогда я, пожалуй, поняла бы, отчего он злится. Никому, сидя рядом с незнакомкой, не захочется, чтобы его испачкали тональной основой или чтобы вокруг него витали разные запахи. Но губная помада? Она находится между мной и моей пудреницей. Мужчина рядом со мной раздражен. Может быть, ему просто не нравится, когда женщины рушат его иллюзии?

Мой телефон вибрирует, пришел ответ от Адама.

Отлично.

Ах, какой нескладный ответ в одно слово. Что это значит? Он сердится? Может быть, он спешит? Я твердо уверена, что тех, кто отвечает в SMS одним словом, следовало бы собрать всех вместе и сжечь на площади. А потом выставить их кости на всеобщее обозрение как предупреждение тем из нас, кто думает, что, ответив одним словом, они заставят поезд ехать быстрее.

Придя в кафе, я по-прежнему опасаюсь того, что Адам раздражен или потерял ко мне интерес.

И мне быстро становится ясно, что я ошиблась в своих предположениях.

Адам не раздражен и не потерял ко мне интерес, просто он очень, очень пьян.

– Ээээээээээээй! – с восторгом приветствует он меня и, как ни странно, надолго заключает меня в свои объятия. На нем только один ботинок.

Я делаю глубокий вдох. Это даже интересно. Знаете, от такой катастрофической ситуации каждый в душе получает удовольствие.

– Элли, верно? – радостно кричит он, брызгая слюной, выпуская меня из своих объятий и пытаюсь изо всех сил сфокусироваться на моем лице. – Я КУПИЛ ТЕБЕ КОФЕ!

Чувствуя, что все в зале смотрят на нас, я шепчу, словно это нейтрализует оскорбленные чувства публики.

– О, очень любезно, спасибо, – говорю я.

- МЫ С ПАРРРРРРРРРРЯМИ БЫЛИ НА ФУТБОЛЕ, - поясняет он. - Мы выиграли, поэтому в одиннадцать утра начали выпивать. Я ЧУТЬ-ЧУТЬ ПЬАН, ИЗЗВИНИИ.

Я смеюсь и мгновенно понимаю, насколько он пьян.

– Без проблем, – говорю я, добавляя: – Завидую тебе, мне нравятся выпивохи. – Он хватает свою чашку кофе и пристально смотрит на меня, как замороженный. Я, пользуясь моментом, оглядываю его. Он роскошен и выглядит даже лучше, чем я ожидала. Но он явился на первое свидание – в три часа дня, – напившись вдрызг. Ну ладно, это хороший повод для того, чтобы пойти в паб, верно? И, успокаиваю я себя, по крайней мере он все-таки пьет, возможно, он сочтет меня сексапильной. На пьяную голову все кажутся красавицами.

О, ну вот, опять началось, он потерял интерес к чашке и снова кричит:

– ПОЗЖЕ МЫ ПОЙДЕМ И ВЫПЬЕМ ПО КОК [визгливое хихиканье] ТЕЙЛЮ. ТЫ НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ ПРОТИВ КОК [визгливое хихиканье] ТЕЙЛЯ?

Я исподтишка оглядываю зал. Это похоже на шутку, на розыгрыш. Может быть, он – один из тех противных парней с YouTube, которые подбегают к женщинам на улице и задирают на них юбки? Безумно смешно, да? Я не вижу никого, кто был бы похож на человека с камерой. Кажется, никто особо не обращает внимания на высокого пьяного мужчину, орущего посреди кафе. Разве что в розыгрыше участвует пожилая пара, поедающая блины.

Я поворачиваюсь к Адаму. Создается впечатление, что все это веселит его. Он кутит.

Я киваю, и мы умолкаем. Черт, где мои шпаргалки?

Он косится на меня, видимо, радуясь тому, как далеко все зашло. Я вяло улыбаюсь и пью по глоточку кофе. Ненавижу эти стулья, думаю я, ерзая от неудобства на скрипучем пластике. Я уже ощущаю, что у меня вспотел зад. Надеюсь, этот парень не попытается позже вести себя, как Дэнни Аррингфорд, иначе за все свои старания получит лишь полные пригоршни пота.

Внезапно он опять кричит.

– Я КУПИЛ БОТИНКИ! – А-а, наверное, по этой причине он в одном ботинке. – ЗЕЛЕНОГО цвета, – поясняет он, не будучи в состоянии сфокусироваться на моем лице.

– Думаю, это здорово, – отзываюсь я. – Можно посмотреть?

Адам с готовностью наклоняется вниз, чтобы взять коробку с ботинками, и шваркает их на стол, задевая при этом мой кофе. Я вскакиваю, а три секунды спустя и он тоже (это называется заторможенностью под действием алкоголя).

– О, ЧЕРТ, – кричит он, пока подбегает официант с малюсенькими бумажными салфетками и безрезультатно промокает коричневую лужу.

О боже, как унизительно.

– Мне жаль, – говорю я, оглядываясь вокруг. – Мне очень жаль.

– Я принесу салфетки, – говорит Адам и куда-то бредет. Через несколько минут он возвращается с пригоршней пакетиков с сахаром.

– Я забыл, зачем я пошел, – объясняет он, опуская глаза на разлитый кофе, а потом поднимая их на меня и хмурясь, словно я виновата. И грустно, и смешно, но это катастрофа, и я раздумываю, можно ли мне уже уйти. Насколько это неприлично – всего через 20 минут сбежать со свидания?

Я забираю из его рук пакетики с сахаром – возможно, для разлитого кофе они послужат, как крохотные мешочки с песком, – и мы снова садимся за стол. Я спрашиваю его, чем он занимался на этой неделе, и он выглядит смущенным.

– КУПИЛ БОТИНКИ, – повторяет он, словно я идиотка.

– О, верно, классно, – кивая, говорю я. – Э-э, по случаю, или просто тебе были нужны новые ботинки?

Он облокачивается о стол, ставя локоть в оставшуюся лужу кофе. Я испытываю нечто вроде удовольствия оттого, что жидкость впитывается в его рубашку.

– Мой стилист говорит, что важно тратить на ботинки хотя бы раз в две недели, – медленно произносит он, тщательно выговаривая каждое слово, и оттого кажется еще пьянее. Он умолкает и, косясь на меня, добавляет – У тебя есть личный стилист, или тебе наплевать на себя? – Отттлично. Думаю, за

пьяной пеленой скрывается напыщенный индюк.

– Знаешь, мне нужно выйти в туалет, – говорю я, вставая из-за стола.

– Туалет там, – говорит он, указывая на мужской туалет.

– Спасибо.

Скрывшись в (дамском) туалете, я пишу в WhatsApp Томасу и Софи.

«Это ужасно. Хуже не бывает. Я ненавижу его, на нем рабочий комбинезон».

На нем нет рабочего комбинезона, но мне нужно, чтобы они решили, что ситуация кошмарная. Я долго смотрю на телефон, ожидая, когда мигнет синий огонек, но он не мигает.

Эти ублюдки втянули меня в это, а теперь живут в свое удовольствие и веселятся без меня. Я смотрю на себя в зеркало, вытирая расплывшуюся тушь. Хмм, может быть, не стоило делать макияж в поезде.

Что дальше? Мне необходима эмоциональная поддержка, чтобы кто-нибудь сказал мне, что я могу уйти, – мне необходимо разрешение. Но если я задержусь здесь, он подумает, что я хожу по-большому в кафе «Costa».

– Ладно, – говорю я, глядя на свое несчастное отражение в зеркале. – Потерплю еще немного. Может быть, он просто нервничает, болтая глупости под действием алкоголя. Еще полчаса, и ты можешь убираться домой и ложиться спать.

Я провожу пальцами по взлохмаченным волосам и направляюсь обратно.

Адам сидит за столом, положив голову на руки.

– Извини за недавнее, – говорит он нормальным голосом, а потом улыбается. У него приятная улыбка. – Я вел себя как полный идиот. Ужасно для первого

свидания, кажется, я слетел с катушек. – Я прищуриваюсь, как кошка, он сказал, что «слетел с катушек», но я вижу, что он старается. Кажется, он слегка протрезвел. Он добавляет: – Слушай, Элинор Найт, расскажи о себе.

Я с облегчением вздыхаю и начинаю рассказывать ему о своей поездке к папе и о разговоре с сестрой. Он говорит, что работает в Сити, и я смеюсь, когда он жалуется на то, что ему ежедневно приходится носить галстук.

Мы улыбаемся друг другу. Все не так ужасно.

– Так что же с тобой не так? – внезапно говорит он, оглядывая меня с ног до головы. – Ты милая, у тебя есть работа, у тебя красивое лицо (закатываю глаза), так почему же в тридцать лет ты одинока?

Шокированная, я усмехаюсь. Меня уже столько раз об этом спрашивали, но каждый раз эти вопросы одинаково режут слух.

Он смеется, а я добавляю:

– А что с тобой? Ты старше меня и одинок. Значит, с тобой что-то не так, Адам?

Он опускает глаза.

– Раньше меня об этом никто не спрашивал.

Мы снова неловко молчим, и я пытаюсь снова говорить о работе, рассказываю о проекте, который мы закончили на этой неделе, и о том, как Дерек плакал, говоря, как он гордится всеми нами.

Адам хмурится.

– Моя бывшая была такой. Она плакала по всякому поводу. Дура.

Ах, получил трепку от бывшей, добро пожаловать обратно, мой старый друг, тебя-то я и поджидала. Я этого совершенно не одобряю. По-моему, мужчины говорят тебе – как потенциальной подружке – подобные вещи таким образом, чтобы ты поняла, что не можешь плакать или быть дурой. Но я очень люблю

плакать и быть дурой, поэтому такая форма психологической манипуляции не действует на меня. Она лишь заставляет меня задуматься о том, что он такого сделал своей бывшей, что она стала такой «дурой».

– Значит, ты не очень любишь, когда люди проявляют эмоции? – игриво спрашиваю я, и он снова хмурится. Затем его лицо светлеет, и он наклоняется вперед.

– Я только что вспомнил, что у меня в сумке остался кокс, давай зайдем в туалет!

Я почти смеюсь ему в лицо. Принимать наркотики в туалете кафе «Costa» в пять часов вечера с ненавистным мне незнакомцем? Наймите меня на работу! Хотя, нет, не нанимайте, мне здесь так осточертело.

– Нет, благодарю, – спокойно говорю я, вставая из-за стола. – Извини, мне пора идти. – Я беру сумку и неубедительно добавляю: – Рада была познакомиться!

Он выглядит искренне удивленным.

– О? Я думал, что мы поедем ко мне домой?

Мне снова хочется расхохотаться. Мы знакомы всего сорок пять минут, но я уже могу сказать, что он из тех мужиков, которые думают, что просмотр Человеческой многоножки[28 - Человеческая многоножка (2009) – фильм ужасов, режиссер Том Сикс.] способствует эротическому стимулированию и что он уснет во время полового акта. Ни за что.

– Не знаю, что тебе внушило такую мысль, – говорю я, натягивая куртку на свою потную задницу. – Прости.

Я иду к дверям, проклиная себя за извинения и желая взять их обратно. На ходу я бросаю взгляд назад, он неуклюже машет мне рукой и выглядит очень расстроенным.

Через полчаса я получаю от него SMS:

Эй, ты ушла?

5

16.15, пятница 1 марта

Местоположение: Сажу на столе Мэдди, на котором царит полный беспорядок, в два раза хуже, чем на моем. Ее стол завален кучами всякой ерунды. Вдобавок к моей заднице здесь лежат стопки папок, разного рода канцелярские принадлежности (кому в наше время нужны скрепки?) и стоит целая семейка бобров, очевидно, из японской линейки игрушек «Sylvanian Family». Боже, если мы перейдем на систему незакрепленных рабочих мест, они окажутся под угрозой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

BuzzFeed – новостная медиакомпания, основана в 2006 г. в Нью-Йорке (здесь и далее примечания переводчика).

2

Дэвид Аттенборо (1926) – знаменитый британский телеведущий и автор документальных фильмов о природе.

3

«BT» (British Telecom) – британская телекоммуникационная компания.

4

Найджела Лоусон (1960) – британская журналистка, телеведущая, ресторанный критик, автор книг по кулинарии.

5

Мэри-Роза Эллейн Берри (1935) – автор кулинарных книг и телеведущая.

6

Эпипен – противоаллергическое лекарственное средство.

7

Бабуля Глэдис – самка ленивца из мультсериала Ледниковый период.

8

Улица Коронации – британский телесериал.

9

Жасмин – героиня диснеевского мультфильма Аладдин.

10

Мелодия, исполняемая при подходе невесты к алтарю.

11

Холодное сердце – американский компьютерный анимационный фильм (2013).

12

Райан Этвуд – герой телесериала Одинокие сердца.

13

Адам Броуди (1979) – исполнитель одной из ролей в сериале Одинокие сердца.

14

Суперкошки – герои одноименного мультсериала, известного также под названием Крутые девчонки.

15

Tinder – популярное платное мобильное приложение для знакомств.

16

Очень голодная гусеница – детская книжка с картинками американского писателя Эрика Карла. Элементом ее оформления служат дырки в картоне.

17

Росс и Моника – персонажи телесериала Друзья.

18

Кристиан Грей – персонаж книги Э. Л. Джеймс 50 оттенков серого и др.

19

Игры разума – фильм Рона Ховарда по одноименной книге С. Назар.

20

Полдарк – герой многосерийной исторической мелодрамы Полдарк.

21

Джеймс Т. Кирк – герой телесериала Звездный путь.

22

Хеллен Миррен (1945) – английская актриса, лауреат премии «Оскар».

23

Долли Партон (1946) – американская певица кантри, автор песен и актриса.

24

«Djolene» – песня Долли Партон.

25

Мэрайя Кэри (1970) – американская певица, актриса, автор песен.

26

Вероятно, намек на песню и одноименный альбом Патрика Лэнга «Attic Things» (2015).

27

Кэйтлин Моран (1975) – британская журналистка, писательница-феминистка.

28

Человеческая многоножка (2009) – фильм ужасов, режиссер Том Сикс.

Купить: https://telnovel.com/ru/vayn_lyusi/goryachaya-shtuchka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)